

ПРОТОКОЛ СУДЕБНОГО ЗАСЕДАНИЯ
по уголовному делу № 1-23/10

16 сентября 2010 года – 10 часов 00 минут.

Судебное заседание продолжено.

Судом ставится вопрос о замене секретаря судебного заседания Капусткиной М.И. на секретаря судебного заседания Астафьеву А.Ю.

Председательствующий разъясняет сторонам их право заявить отвод.

Отводов не заявлено.

Суд,

Постановил:

Произвести замену секретаря судебного заседания Капусткиной М.И. на секретаря судебного заседания Астафьеву А.Ю.

Секретарь судебного заседания докладывает о явке вызванных в суд лиц.

Подсудимый Ходорковский М.Б.: – доставлен.

Подсудимый Лебедев П.Л. – доставлен.

Защитник Дятлев Д.М. – не явился.

Защитник Клювгант В.В. – не явился.

Защитник Левина Е.Л. – явилась.

Защитник Москаленко К.А. – не явилась.

Защитник Терехова Н.Ю. – явилась.

Защитник Лукьянова Е.А. – не явилась.

Защитник Грузд Б.Б. – не явился.

Защитник Шмидт Ю.М. – явился.

Защитник Сайкин Л.Р. – не явился.

Защитник Краснов В.Н. – явился.

Защитник Купрейченко С.В. – явился.

Защитник Липцер Е.Л. – не явилась.

Защитник Мирошниченко А.Е. – не явился.

Защитник Ривкин К.Е. – явился.

Защитник Сапожков И.Ю. – не явился.

Государственный обвинитель Шохин Д.Э. – явился.

Государственный обвинитель Лахтин В.А. – явился.

Государственный обвинитель Ковалихина В.М. – не явилась.

Государственный обвинитель Ибрагимов Г.Б. – не явилась.

Государственный обвинитель Смирнов В.Н. – явился.

Потерпевший Белокрылов В.С. – не явился.

Потерпевший Демченко В.М. – не явился.

Представитель потерпевшего Гришина Т.Ю. – представитель Федерального Агентства по управлению государственным имуществом – не явилась.

Представитель потерпевшего Щербакова И.Л. – представитель Федерального Агентства по управлению государственным имуществом – не явилась.

Представитель потерпевшего Петрова И.Е. – представитель Федерального Агентства по управлению государственным имуществом – не явилась.

Представитель потерпевшего Ларионов Р.А. – представитель Федерального Агентства по управлению государственным имуществом – не явился.

Представитель потерпевшего Чернега Д.С. – представитель Федерального Агентства по управлению государственным имуществом – не явился.

Представитель потерпевшего Курдюкова Н.А. – представитель Федерального Агентства по управлению государственным имуществом – не явился.

Представитель потерпевшего Узалов И. – представитель Компании «Sandheights Ltd» – не явился.

Представитель потерпевшего Пятикопов А.В. – представитель ОАО НК «Роснефть», ОАО «Томскнефть» – не явился.

Свидетели не явились.

Участники процесса надлежащим образом уведомлены о месте и времени проведения судебного заседания, суд не располагает сведениями о причинах их неявки.

Судом ставится вопрос о возможности продолжить судебное заседание при данной явке.

Подсудимый Ходорковский М.Б.: не возражаю.

Подсудимый Лебедев П.Л.: не возражаю.

Защитник Левина Е.Л.: не возражаю.

Защитник Терехова Н.Ю.: не возражаю.

Защитник Шмидт Ю.М.: не возражаю.

Защитник Краснов В.Н.: не возражаю.

Защитник Купрейченко С.В.: не возражаю.

Защитник Ривкин К.Е.: не возражаю.

Государственный обвинитель Шохин Д.Э.: не возражаю.

Государственный обвинитель Лахтин В.А.: не возражаю.

Государственный обвинитель Смирнов В.Н.: не возражаю.

Суд,

Постановил:

Продолжить судебное заседание при данной явке.

Продолжение допроса подсудимого Лебедева П.Л.

Государственный обвинитель Лахтин В.А.: прошу представить подсудимому Лебедеву П.Л. для обозрения том 39 л.д. 107-108 копию служебной записки Горбоносовой Н.В. от 12 февраля 1996 года.

Подсудимый Ходорковский М.Б.: не возражаю.

Подсудимый Лебедев П.Л.: не возражаю.

Защитник Левина Е.Л.: не возражаю.

Защитник Терехова Н.Ю.: не возражаю.

Защитник Шмидт Ю.М.: не возражаю.

Защитник Краснов В.Н.: не возражаю.

Защитник Купрейченко С.В.: не возражаю.

Защитник Ривкин К.Е.: не возражаю.

Государственный обвинитель Шохин Д.Э.: не возражаю.

Государственный обвинитель Смирнов В.Н.: не возражаю.

Суд,

Постановил:

Ходатайство государственного обвинителя Лахтина В.А. удовлетворить, представить подсудимому Лебедеву П.Л. для обозрения том 39 л.д. 107-108 копию служебной записки Горбоносовой Н.В. от 12 февраля 1996 года.

Подсудимый Лебедев П.Л. обозревает том 39 л.д. 107-108 копию служебной записки Горбоносовой Н.В. от 12 февраля 1996 года.

Государственный обвинитель Лахтин В.А.: у меня вопрос общего плана. Может ли подсудимый Лебедев объяснить смысл этой резолюции, которая там отражена? В верхней части документа, в начале.

Подсудимый Лебедев П.Л.: Ваша честь, в связи с вопросом я подтверждаю свои показания по данному документу, которые я давал, если мне память не изменяет, позавчера, когда мне данный документ предъявляла защита. А на дополнительный вопрос я поясню следующее. Во-первых, мне известно, что в заведомо ложном обвинительном заключении эта фраза изложена как, Ваша честь, в верхней части, «согласен, что нужно завуалировать и документировать все». Это написано в обвинительном заключении. Теперь по собственно вопросам. Из данного документа следует, что инвестиционное управление банка «Менатеп», которое непосредственно занималось организацией финансирования сделок, связанных с участием компании в различных инвестиционных конкурсах, в ходе

приватизации, отслеживало все риски банка «Менатеп», которые возникали в ходе финансирования такого рода сделок. Естественно, сотрудники инвестиционного управления по-разному реагировали и по-разному оценивали ситуацию, складывающуюся вокруг конкретных инвестиционных конкурсов и залоговых аукционов. Эта записка Горбоносовой от 19 февраля 1996 года, она как раз и связана с ее личным мнением, какие возможные риски могли возникнуть перед банком «Менатеп» в связи с участием компании «Лагуна», ЗАО «Лагуна», в инвестиционном конкурсе и залоговом аукционе по акциям «ЮКОСа». Напомню, Ваша честь, что к тому моменту, 08 декабря 1995 года, если мне не изменяет память, компания «Лагуна» – я эти документы уже Вам предъявлял – была официально признана победителем сразу двух элементов соревновательных. Компания «Лагуна» выиграла и инвестиционный конкурс, и залоговый аукцион одновременно. В рамках инвестиционного конкурса компания «Лагуна» купила у Российской Федерации на инвестиционном конкурсе пакет акций, равный 33% стоимости уставного капитала «Нефтяной компании «ЮКОС». Помимо того, что компания «Лагуна» купила этот пакет, она приняла еще на себя и инвестиционные обязательства – более 150 миллионов долларов инвестировать в «Нефтяную Компанию «ЮКОС». Плюс, компания «Лагуна» заплатила в Госкомимущество и Российскому фонду федерального имущества несколько миллиардов рублей. Это так называемая комиссия в размере полпроцента каждому от объема инвестиционных обязательств. Эти документы, Ваша честь, все есть точно так же в 48 томе. Залоговый аукцион – это немножечко иная вещь, чтобы не перепутать, Ваша честь. Это финансирование бюджета Российской Федерации. Напомню, стартовые условия были – 150 миллионов долларов кредита под залог 45% акций «Нефтяной компании «ЮКОС». «Лагуна» выиграла залоговый аукцион, предоставив 159 миллионов долларов кредита под залог. Таким образом, Ваша честь, в феврале 1996 года, о чем здесь речь идет, банк «Менатеп» и компания «Лагуна» профинансировали, и в бюджет поступило более 150 миллионов долларов займа. Плюс компания «Лагуна» приняла на себя обязательства инвестиционные более 200 миллионов долларов, которые она обязана была инвестировать в «Нефтяную Компанию «ЮКОС». Гарантом выполнения этих обязательств для Российской Федерации был банк «Менатеп», который и финансировал эту сделку. Таким образом, по состоянию на февраль 1996 года собственником акций 45% пакета была Российская Федерация, а акции «Нефтяной компании «ЮКОС» находились в залоге у банка «Менатеп». Про обязательства Российской Федерации, Ваша честь, я уже позавчера рассказывал. Очень кратко и лаконично. В случае если государство в течение года бы не рассчитывалось по займу, который был предоставлен по залоговому аукциону, банк «Менатеп», как залогодержатель, имел право 01 сентября 1996 года продать эти акции на рынке, исходя из условия, что сумма полученных денежных средств за реализацию этого пакета должна была покрывать как минимум, я подчеркиваю, как минимум стоимость займа плюс проценты. Поскольку бюджет Российской Федерации, это я чуть-чуть забегаю вперед, не рассчитался по своим обязательствам, в 1996 году банк «Менатеп» на торгах продал этот пакет. Данный пакет купила компания «Монблан». Таким образом, сумма денежных средств, которая поступила от «Монблана», покрыла риски банка «Менатеп» и компании «Лагуна» по залоговому аукциону. Таким образом, в конце 1996 года Российская Федерация перестала быть владельцем 45% пакета, а владельцем этого пакета стала компания «Монблан». Напоминаю, Ваша честь, чтобы не было недоразумений, этот 45% пакет к этому моменту превратился в 33,3% в связи с тем, что летом 1996 года состоялась дополнительная эмиссия акций «ЮКОСа», в результате чего первоначальный пакет, который предлагало государство, он составлял 78%, превратился в 56-57%. Теперь о феврале 1996 года. Один из вопросов, который тогда обсуждался, был связан с тем, что в Российской Федерации к тому моменту бюджетное законодательство существенно отличалось от нынешнего бюджетного законодательства. Ваша честь, напомню, у нас тогда еще не было Бюджетного Кодекса Российской Федерации, были только основы бюджетного законодательства. Соответственно, риски возникали в двух моментах. Один

момент инициации рисков – это проигравшие конкуренты, которые пытались инициировать разными путями, опорочить проведение инвестиционного конкурса и залогового аукциона в декабре 1995 года. А второй вопрос был связан с тем, что в бюджете 1996 года, который к тому моменту был утвержден, отсутствовали средства для погашения обязательств Российской Федерации по всем проведенным залоговым аукционам, не только по «Нефтяной компании «ЮКОС» – по всем. В 1996 год Российская Федерация входила с огромным дефицитом бюджета. Вместе с тем, в начале 1996 года, поскольку, я так аккуратно выражусь, возня вокруг инвестиционных конкурсов и залоговых аукционов продолжалась, были различные публикации в прессе, на это среагировала госпожа Горбоносова и написала соответствующую служебную записку господину Голубовичу, своему начальнику. Алексей Дмитриевич с этой запиской приходил ко мне посоветоваться и спросить моего мнения. Мое мнение в этой записке изложено. Смысл этой служебной записки, Ваша честь, я уже позавчера суду объяснил – это попробовать найти иностранную или российскую страховую компанию, которая такого рода риски возьмет на себя. Отмечу, что Нина Владимировна о вопросах страхового бизнеса имеет весьма смутные представления. Наверное, к тому моменту она просто не знала, что страховые компании такого рода рисками не занимаются. В связи с этим я посоветовал Алексею Дмитриевичу Голубовичу и согласился с тем, что и предлагала Нина Владимировна Горбоносова. Ваша честь, в п. 2 сначала самый верх. Здесь написано: «согласен». Теперь п. 2 откройте – с чем я согласился. Что предлагает госпожа Горбоносова. «Эти расходы (затраты) необходимо калькулировать и документировать». Акты, справки, заверенные выписки со счетов и так далее, и тому подобное. Что предлагала Горбоносова? Считать все расходы, понесенные банком, связанные с выдачей огромной суммы денег бюджету Российской Федерации. Теперь самый верх. Еще раз. Ваша честь, объясняю, что здесь написано. С чем я согласился? «Согласен, что нужно калькулировать и документировать». Там, правда, не очень видно, но здесь в углу написано слово «все». В подлиннике оригинала, как выражается Лахтин, это хорошо видно. Но, с чем я не согласился, Ваша честь, естественно – тратить время, я по-русски выражусь, на ерунду и общение со страховыми компаниями по вопросу, где отсутствует сам предмет. Но я их предупредил о том, что насколько я понимаю право, да, что эти все затраты нужно калькулировать и документировать для того, чтобы это были аргументы для российского суда, самого гуманного в мире, а не для страховых организаций. И стоит моя подпись, 21 февраля 1996 года. Напоминаю, Ваша честь, в феврале 1996 года я еще входил в состав правления банка «Менатеп». Тема простая, элементарная, Ваша честь, вообще не имеет никакого отношения к нашему сфабрикованному делу. Сам предмет и сам вопрос. С другой стороны, он хорошо демонстрирует то, как даже вот на этих пустышках – Ваша честь, напоминаю, с 1996 года – наши оппоненты умудрились даже из этого документа попробовать составить лживое утверждение, что я просил Голубовича все завуалировать. Я уже говорил, о фальсификации всего, что только можно, и я здесь подчеркиваю, даже не нужно, Ваша честь. Это февраль 1996 года. И дальше, Ваша честь, чтоб завершить этот вопрос – мне известно, что все, что касается инвестиционного конкурса и залогового аукциона, действительно по сегодняшний день. Этого никто никогда не оспаривал. В итоге компания «Лагуна» и выкупила акции у Российской Федерации, и осуществила свои инвестиционные обязательства. Акты, подтверждающие выполнение инвестиционных обязательств, также находятся в томе 48. Ваша честь, я уже эти документы Вам предъявлял. И самое главное, Ваша честь, в 1996 году, чтобы было понятно, компания «Лагуна» уже с банком «Менатеп» рассчиталась. Это следующий момент, с которым почему-то, не имея никаких доказательств, не согласился Каримов. Они вместе с Михайловым рассказывали, в том числе и аудитору из «PricewaterhouseCoopers», что «Лагуна» не рассчиталась по своим обязательствам перед банком «Менатеп». Это ложь. Все документы, которые содержатся в деле, прямо это опровергают. С 1996 года компания «Лагуна» ничего банку «Менатеп» не должна.

Государственный обвинитель Лахтин В.А.: прошу представить подсудимому Лебедеву П.Л. для обозрения том 39 л.д. 50-58 копию обращения начальника инвестиционного управления от банка «Менатеп» к Лебедеву П.Л. как председателю правления банка.

Подсудимый Ходорковский М.Б.: не возражаю.

Подсудимый Лебедев П.Л.: не возражаю.

Защитник Левина Е.Л.: не возражаю.

Защитник Терехова Н.Ю.: не возражаю.

Защитник Шмидт Ю.М.: не возражаю.

Защитник Краснов В.Н.: не возражаю.

Защитник Купрейченко С.В.: не возражаю.

Защитник Ривкин К.Е.: не возражаю.

Государственный обвинитель Шохин Д.Э.: не возражаю.

Государственный обвинитель Смирнов В.Н.: не возражаю.

Суд,

Постановил:

Ходатайство государственного обвинителя Лахтина В.А. удовлетворить, представить подсудимому Лебедеву П.Л. для обозрения том 39 л.д. 50-58 копию обращения начальника инвестиционного управления от банка «Менатеп» к Лебедеву П.Л. как председателю правления банка.

Подсудимый Лебедев П.Л. обзывает том 39 л.д. 50-58 копию обращения начальника инвестиционного управления от банка «Менатеп» к Лебедеву П.Л. как председателю правления банка.

Подсудимый Лебедев П.Л.: я на этот фактически вопрос уже отвечал и пояснения давал. Практически мне здесь нечего добавить. Я завизировал эти договоры, Ваша честь. На листе 54 и на листе 58 стоит моя виза. Обращаю Ваше внимание, Ваша честь, что это как раз те два договора, которые прямо опровергают заведомо ложное утверждение Каримова и его соучастников о том, что компания «Лагуна» не рассчиталась с банком «Менатеп». Суть этих двух договоров – что компания «Лагуна» продает акции «ЮКОСа», которые она купила в декабре 1995 года. А господину Голубовичу здесь моя, Ваша честь, пометочка видна: «Прошу на будущее визы тех, кто за это отвечает, плюс юристы. Или утвердить эту форму как стандартную, типовую». Поскольку, как я уже пояснил, поскольку с декабря 1995 года у банка «Менатеп» открылся так называемый «проект», связанный с финансированием сделок по акциям «ЮКОСа», необходимо было для структуру банка согласовать просто типовые формы, которые учитывают все риски как банка, связанные с финансированием такого рода сделок, в том числе и учесть элементы действующего на тот момент законодательства, связанного с обращением ценных бумаг. Напоминаю, Ваша честь, потому что ценные бумаги, которые обращались тогда на рынке Российской Федерации, были в бездокументарной форме. Почему напоминаю, Ваша честь? Потому что только тогда появился Гражданский Кодекс Российской Федерации, который как раз специально отмечал эту особенность – что акции приватизируемых предприятий, практически всех на тот момент, выпускались в бездокументарной форме. То есть это были собственно ценные бумаги в натуре. А это были, если перевести на правовой язык, обязательственные права. Но не вещные права. Плюс, Ваша честь, добавлю, что поскольку банк «Менатеп» еще в 1991 году, еще во времена Советского Союза провел первую публичную эмиссию акций банка «Менатеп» – если опять попроще выразиться, мы несовершенством действующего на тот момент законодательства по ценным бумагам, я бы сказал так, нахлебались на своей собственной шкуре. Поэтому мы еще в 1993 году, когда этого не было, приняли решение эмитировать акции банка «Менатеп» точно так же – в бездокументарной форме. Поскольку такая эмиссия лишала возможностей различного рода жуликов и мошенников похищать непосредственно ценные бумаги в натуре. Таким образом, украсть их – то, что называется уголовно-правовой квалификацией по статье «кража» – ценные бумаги в натуре (имеется в виду акции банка «Менатеп») было просто физически невозможно, их не существовало.

Поэтому все, что касается изменения законодательства, связанного с обращением ценных бумаг на рынке Российской Федерации, специалисты банка «Менатеп», в том числе и я, активно контактировали с различного рода профессиональными командами, которые готовили законопроекты, в том числе по рынку ценных бумаг Российской Федерации для того, чтобы все нюансы и риски, которые накапливал бизнес – опять выражусь, Ваша честь – «на своей шкуре», были учтены потом в последующих законодательных актах. Я, Ваша честь, единственное только не знаю, что произошло дальше. Мне Алексей Дмитриевич не рассказывал.

Государственный обвинитель Лахтин В.А.: у меня, кстати, вопрос по поводу ЗАО «Лагуна». А Вы не помните, кто являлся генеральным директором этого общества?

Подсудимый Лебедев П.Л.: поскольку Захаров давал показания здесь в суде, я теперь точно помню, и из документов это знаю, что именно он был генеральным директором «Лагуны». Честно говоря, на тот момент я вряд ли это знал, мне это было не принципиально.

Государственный обвинитель Лахтин В.А.: а владельцем акций ЗАО «Лагуна» кто являлся?

Подсудимый Лебедев П.Л.: владельцем акций ЗАО «Лагуна»? Надо посмотреть материалы дела.

Государственный обвинитель Лахтин В.А.: мы вернемся к этому вопросу. А почему именно этому обществу были выданы кредиты банка «Менатеп», именно этому обществу?

Подсудимый Лебедев П.Л.: Ваша честь, ЗАО «Лагуна» стала победителем инвестиционного конкурса и залогового аукциона. Именно поэтому именно «Лагуне» и были выданы эти документы.

Государственный обвинитель Лахтин В.А.: а далее, если следовать тексту обвинительного заключения, здесь упоминается о том, что ЗАО «Лагуна» реализовала акции ОАО «НК «ЮКОС» компаниям «Тонус» и «Астрата». А почему, как Вы можете объяснить, почему именно этим компаниям были реализованы акции ОАО «НК «ЮКОС»?

Подсудимый Лебедев П.Л.: Вы обманываете сейчас суд. Никакой «Астраты» даже в обвинении нет. Почитайте внимательно, как это называется.

Государственный обвинитель Лахтин В.А.: «Астарта». Я скорректировал свой вопрос.

Подсудимый Лебедев П.Л.: я полагаю, потому что мое предположение, Ваша честь, потому что у «Астарты» были деньги для того, чтобы купить эти акции. Ваша честь, мне известно, что на фондовом рынке некоторые участники совершают сделки – покупают и продают акции. Как правило, интерес покупателя купить акции связан с тем, что у него, в том числе и есть для этого деньги. А интерес продавца связан, как правило, с тем, что у него к этому моменту есть потребность в деньгах, а не в акциях. Ваша честь, иногда мне также известно, что в результате таких операций покупатели и продавцы иногда зарабатывают, иногда теряют. Но это, скажем так, как повезет, как складывается ситуация. Могу предположить обоснованно, что у компании «Тонус», и вторая компания «Астарта» имели к этому моменту возможность эти акции купить. А дальше, Ваша честь, из материалов дела следует, что они это сделали. И вообще прокомментирую, Ваша честь – я рад очень этому вопросу. Таким образом, сюда следователя Каримова и Михайлова нужно будет вызвать – как же они так обманывали господина Миллера, имея эти документы в материалах дела. Неужели они ему их показывали? И, Ваша честь, забегаю вперед, еще раз хочу подчеркнуть – что как в банке «Менатеп», так и в компании «ЮКОС» существовала система стандартов и регламентов, в соответствии с которыми осуществлялась процедура заключения различного рода сделок, связанных с рисками для банка «Менатеп». Любая сделка, которая заключалась банком «Менатеп», проходила процедуру согласований, без которой специальное подразделение банка «Менатеп», которое отвечало за проверку всех такого рода процедур, связанных с рисками банка – финансовых, кредитных, юридических, налоговых и тому подобных, и так далее – не выпускало эти договоры. В том числе и не ставило на это печать. Таким образом, все сделки банка «Менатеп» в тот период согласовывались уполномоченными на то лицами, которые и несли

ответственность за эти сделки перед банком «Менатеп», в том числе перед советом директоров и акционерами банка «Менатеп». А, что еще уместно будет напомнить, Ваша честь. В январе 1996 года, здесь об этом периоде речь идет, я лично был акционером банка «Менатеп». И естественно, ноль целых там после запятой, какое-то количество, несколько десятков тысяч акций банка «Менатеп» у меня было, лично. Поэтому, в том числе я, как и акционер банка «Менатеп» параллельно следил, чтобы у банка «Менатеп», куда я вложил свои собственные деньги, рисков был минимальное количество.

Государственный обвинитель Лахтин В.А.: а по поводу этих ЗАО «Астарта» и «Тонуса» можете еще объяснить – кто являлся генеральными директорами, учредителями этих компаний? Кто являлся владельцами акций ЗАО «Тонуса», ЗАО «Астарта»? Раз Вы согласовывали вопрос по поводу как раз и акций этих обществ.

Подсудимый Лебедев П.Л.: здесь написано, 51 лист, Ваша честь, «Тонус» в лице Кобзаря. А «Лагуна» – в лице Захарова. Я не знаю, кто был Кобзарь в «Тонусе», но поскольку он действовал на основании Устава, всего лишь могу предположить, надо будет посмотреть устав «Тонуса», наверное, он был генеральным директором. Захаров суду подтвердил, что он был генеральным директором, поэтому здесь у меня оснований не доверять Захарову нет. Ваша честь, я полагаю, что мой оппонент не понимает, что я сделал. Я не согласовывал эти договоры. Эти договоры между клиентами банка «Менатеп».

Государственный обвинитель Лахтин В.А.: визу Вы же поставили. Вы не отрицаете того, что Вы визировали этот документ. Значит, он интересен Вам был, и Вы анализировали этот документ.

Подсудимый Лебедев П.Л.: тогда, Ваша честь, еще раз начнем снова. 50 лист. Речь идет о перепродаже пакетов акций «ЮКОСа», заложенных в банке «Менатеп». Естественно, я ставлю свою визу, поскольку я представляю интересы залогодержателя, и я должен знать, на каких условиях этот пакет акций, условно, от фирмы «Икс» переходит к фирме «Игрек». Более того, за все остальные процедуры отвечает заместитель председателя правления банка, начальник инвестиционного управления, Голубович Алексей Дмитриевич. Мы ему за это платили деньги. И, Ваша честь, поясню. Я не знаю, как в других учреждениях, но вообще, поскольку в банке существовал так называемый орган управления банком, оно называлось «правление». И было принято вопросы существенного риска для банка «Менатеп» согласовывать между членами правления. Вот я свою, Ваша честь, функцию как заместитель председателя правления в январе 1996 года выполнил: я согласился с тем, что предложил Алексей Дмитриевич, и это завизировал. Тем более, поскольку это документ из портфеля Голубовича, Алексей Дмитриевич, наверное, и отрицать не будет, что именно так я и сделал. А дальнейшая процедура, Ваша честь, в банке была следующим образом. К тому моменту я уже не был президентом банка «Менатеп». В декабре 1995 года я прекратил исполнять эти обязанности. А президентом банка «Менатеп» и председателем правления банка «Менатеп» в тот момент, это 1996 год, были председателем правления Монахов Сергей Владимирович, а президентом банка «Менатеп» был Зурабов Александр Юрьевич. Сделаю смелое предположение, что они тоже с этим согласились. Но это предположение, Ваша честь. Такого документа просто в деле нет. Теперь на вопрос, кто был учредителями – учредители и так далее. Ваша честь, вот это проверять не входило в мои обязанности. Я думаю, даже не входило в обязанности проверять это Алексея Дмитриевича. У него был огромный штат инвестиционного управления, который всю формалистику, связанную с клиентами банка «Менатеп», обязан был проверять, потому что на каждого клиента банка существует так называемое досье или дело. В этом досье или деле вся история клиента с момента его учреждения. В том числе, Ваша честь, карточки с образцами подписей, заверенные нотариусом, для того чтобы сотрудники банка четко понимали – с полномочными лицами клиента они имеют отношение или нет. Более того, Ваша честь, если бы я даже знал учредителей этих обществ, но вряд ли бы я их через 15 лет вспомнил.

Государственный обвинитель Лахтин В.А.: это тоже касается и владельцев акций этих обществ?

Подсудимый Лебедев П.Л.: о каком периоде идет речь?

Государственный обвинитель Лахтин В.А.: о периоде, когда Вы визировали этот документ, естественно.

Подсудимый Лебедев П.Л.: на тот момент?

Государственный обвинитель Лахтин В.А.: да, на тот момент.

Подсудимый Лебедев П.Л.: я не понимаю, что Вы под владельцами понимаете, но мой ответ такой же: и про владельцев тоже.

Государственный обвинитель Лахтин В.А.: поясните, пожалуйста, а банк «Менатеп» когда-либо выплачивал какие-либо дивиденды?

Подсудимый Лебедев П.Л.: конечно.

Государственный обвинитель Лахтин В.А.: Вы сказали, что в 1995 году доходы составляли около 1 миллиарда долларов США. 1995, 1996 год и так далее.

Подсудимый Лебедев П.Л.: банк «Менатеп» регулярно, начиная с 1991 года, выплачивал дивиденды своим акционерам. В том числе и мне, Лебедеву Платону Леонидовичу.

Государственный обвинитель Лахтин В.А.: начнем с 1995 года. В стоимостном выражении, сколько это составляло? Это имеет отношение к формированию будущих вопросов, которые непосредственно имеют отношение к обстоятельствам, подлежащим доказыванию. Без ответа на эти вопросы я не смогу задавать следующие вопросы. Я вопросы задаю в контексте.

Подсудимый Лебедев П.Л.: Ваша честь, я правильно понимаю, что он поддержал мое ходатайство о приобщении отчетности банка «Менатеп» к материалам сфабрикованного обвинения? Там все написано.

Государственный обвинитель Лахтин В.А.: нет. Я не говорил такой фразы. Вы следите за тональностью моих вопросов и за содержанием. Я ни одного лишнего слова не говорю. Вы можете объяснить, с 1995 года, сколько было выплачено дивидендов?

Подсудимый Лебедев П.Л.: кому?

Государственный обвинитель Лахтин В.А.: и кому? Выплачивали ли Вы, утверждаете, что были выплачены дивиденды.

Подсудимый Лебедев П.Л.: мне достоверно известно, что банк «Менатеп» ежегодно выплачивал дивиденды, начиная с 1991 года, по 1998 год включительно. Мне это известно достоверно потому, что я лично, как Лебедев Платон Леонидович, являющийся акционером банка «Менатеп», как выражаются, как физическое лицо, получал эти дивиденды. Ваша честь, это отражено в моих налоговых декларациях. Если Вас интересует, сколько лично я получал – это отражено в моих налоговых декларациях. Более того, мне известно, что эти дивиденды от банка «Менатеп» получала и Российская Федерация как акционер банка «Менатеп», а также все иные акционеры, которые были у банка «Менатеп». Плюс, Ваша честь, в материалах дела находится мое заявление от 1999 года. Там порядок сумм дивидендов, которые выплачивал банк «Менатеп» за десять лет. Он был зарегистрирован в 1988 году, и по 1998 год, за десять лет. Там порядок сумм приведен. Это сотни миллионов долларов.

Государственный обвинитель Лахтин В.А.: это сотни миллионов долларов, которые Вам лично выплачивали? Или сотни миллионов долларов, которые выплачивали акционерам банка «Менатеп», и Вам тоже лично?

Подсудимый Лебедев П.Л.: в этой сумме – сотни миллионов долларов – и сидит моя скромная доля дивидендов.

Государственный обвинитель Лахтин В.А.: компаниям, которые принадлежали Вам и Ходорковскому, дивиденды выплачивались? И сколько дивидендов выплачивалось в суммарном отношении?

Подсудимый Лебедев П.Л.: Ваша честь. В вопросе содержится какой-то тайный смысл.

Государственный обвинитель Лахтин В.А.: естественно, конечно, поэтому я и задаю вопрос.

Подсудимый Лебедев П.Л.: о каких компаниях, мне принадлежащих, он говорит применительно к банку «Менатеп»?

Государственный обвинитель Лахтин В.А.: существовали ли какие-то компании, которые принадлежали Вам и Ходорковскому, которые являлись соответственно акционерами банка «Менатеп»? По-другому перефразирую. И если да, то выплачивались ли им дивиденды как акционерам?

Подсудимый Лебедев П.Л.: Ваша честь, предложите ему разбить этот вопрос на два. Сначала нужно задать вопрос, я сейчас поясню: принадлежали ли мне какие-либо компании периода по состоянию на январь 1996 года? А потом мы спросим, в зависимости от моего ответа, можно задавать будет второй вопрос.

Государственный обвинитель Лахтин В.А.: принимается. Я задаю такой вопрос, который Вы сейчас произнесли.

Подсудимый Лебедев П.Л.: Ваша честь, до января 1996 года лично мне, Лебедеву Платону Леонидовичу, не принадлежала вообще ни одна, ни российская, ни иностранная компания. Ни прямо, ни косвенно. Вместе с тем я, Лебедев Платон Леонидович, как физическое лицо, был акционером, в том числе, банка «Менатеп Москва». Но он мне, Ваша честь, не принадлежал. Мне принадлежали акции банка «Менатеп». Ваша честь, для протокола. Вопрос Лахтина связан с тем, что Каримов и его соучастники включили в обвинение, в обвинительное заключение, заведомо ложное утверждение о принадлежности мне каких-то компаний до 1997 года. Это ложь. Она опровергается всеми доказательствами, которые лежат в материалах сфабрикованного дела. И наоборот, Ваша честь, не существует ни одного доказательства, это мое утверждение опровергающего. В тех же самых материалах сфабрикованного дела.

Государственный обвинитель Лахтин В.А.: подсудимый, скажите, а что касается подсудимого Ходорковского – ему какие-либо компании принадлежали, что Вам известно в период с 1995 года?

Подсудимый Лебедев П.Л.: Ваша честь, в Уголовно-процессуальном кодексе не предусмотрено использование меня в качестве суфлера для передачи такого рода вопросов Михаилу Борисовичу Ходорковскому.

Государственный обвинитель Лахтин В.А.: и не запрещено. И я пользуюсь пробелами в законодательстве.

Подсудимый Лебедев П.Л.: я просто объясню прокурору, что в процессе ему разрешено делать только то, что прямо предусмотрено законом. Прокуроры не имеют права пользоваться пробелами в законодательстве. А такого рода толкование в свою пользу для прокуроров является, в том числе, еще дополнительным основанием для увеличения объема предъявленных обвинений Каримову и Вам как соучастнику совершения огромной части преступлений против правосудия. Но это так. Итак, Ваша честь, мне известно, что Михаил Борисович Ходорковский имел отношение – я уже об этом дал свои показания – ко многим компаниям, в том числе к банку «Менатеп». У меня есть два варианта, Ваша честь. Я могу еще раз внимательно, аккуратно, без ошибок прочитать свои показания на эту тему в отношении к корпорации Ходорковского. Ваша честь, там все изложено то, что мне известно достоверно. Ваша честь, тогда сразу: я все свои показания, которые дал суду до сегодняшней минуты, подтверждаю полностью. Все. Даже те, Ваша честь, показания, которые находятся в материалах сфабрикованного дела.

Государственный обвинитель Лахтин В.А.: прошу представить подсудимому Лебедеву П.Л. для обозрения том 34 л.д. 17 копию документа под названием «Распределение уставного капитала ОАО «НК «ЮКОС» по состоянию на 28 ноября 196 года с учетом результатов дополнительной эмиссии от 14 сентября 1996 года».

Подсудимый Ходорковский М.Б.: не возражаю.

Подсудимый Лебедев П.Л.: не возражаю.

Защитник Левина Е.Л.: не возражаю.

Защитник Терехова Н.Ю.: не возражаю.

Защитник Шмидт Ю.М.: не возражаю.

Защитник Краснов В.Н.: не возражаю.

Защитник Купрейченко С.В.: не возражаю.

Защитник Ривкин К.Е.: не возражаю.

Государственный обвинитель Шохин Д.Э.: не возражаю.

Государственный обвинитель Смирнов В.Н.: не возражаю.

Суд,

Постановил:

Ходатайство государственного обвинителя Лахтина В.А. удовлетворить, представить подсудимому Лебедеву П.Л. для обозрения том 34 л.д. 17 копию документа под названием «Распределение уставного капитала ОАО «НК «ЮКОС» по состоянию на 28 ноября 1996 года с учетом результатов дополнительной эмиссии от 14 сентября 1996 года».

Подсудимый Лебедев П.Л. обзывает том 34 л.д. 17 копию документа под названием «Распределение уставного капитала ОАО «НК «ЮКОС» по состоянию на 28 ноября 1996 года с учетом результатов дополнительной эмиссии от 14 сентября 1996 года».

Государственный обвинитель Лахтин В.А.: следует и из этого документа, что более 90% акций ОАО «НК «ЮКОС», владельцем более 90% акций ОАО «НК «ЮКОС» является банк «Менатеп»?

Подсудимый Лебедев П.Л.: может быть, даже эксперта пригласить. А где здесь написано, что у банка «Менатеп» всего лишь 90%? Я этого, Ваша честь, здесь не вижу. В любой строчке, какую ни посмотрю, такого Вашего ложного утверждения о том, что здесь содержатся сведения о том, что банку «Менатеп» принадлежат более 90% акций «ЮКОСа», я не вижу. Ваша честь, поясню. Здесь есть несколько строчек – о распределении акций банка «Менатеп». Распределение акций «ЮКОСа», а не банка «Менатеп». Напоминаю, Ваша честь. Может быть, это будет полезно и для прокуроров. Все российские банки, имеющие уполномоченный депозитарий для своих клиентов, в реестре указаны номинальными держателями акций. График, есть у банка «Менатеп», который, и это соответствующая запись, чьи пакеты он держит, у него записано это в его соответствующем реестре. Но не у реестродержателя. Потому что для реестродержателя одна только запись: банк «Менатеп». Поясню, Ваша честь. Например, когда мы рассматриваем тему с «Восточной нефтяной компанией», реестром, в реестре, например, «Томскнефть», 38% акций были записаны за «Дойче банком». Он не акционер у «Томскнефти», он всего лишь выполняет технические функции номинального держателя акций для своих клиентов. Такая процедура у нас появилась в конце 1994, начале 1995 года, когда в Российской Федерации появилась или стала распространяться общепринятая в мире практика, когда услуги номинальных держателей для своих клиентов оказывал банк. Теперь, возвращаясь от этого разъяснения, сюда попроще. Здесь всего лишь указано, я не знаю, кто делал эту справку, кто-то делал – банк «Менатеп» 54%, закупка, в залоге у «Лагуны». Ваша честь, чтоб было понятно, в залоге у ЗАО «Лагуна» вот эти 33,3 процента – это бывшие 45%. Если господин Лахтин умеет считать, то этот, Ваша честь, пакет по состоянию на 28 ноября 1996 года принадлежит Российской Федерации. Я в школе проходил арифметику и точно знаю, что если из 100% вычесть 33,3 – это значит, будет 66,6 в остатке. Таким образом, как, имея перед глазами вот этот документ, можно задавать вопрос: «следует ли из этого документа, что у банка «Менатеп» акций более 90%?» – если из этого документа следует, что только у Российской Федерации на данный момент более 33% акций? Мы что здесь, уроки арифметики, Ваша честь? И так далее. Я не понимаю. Ответ очень простой. В этом документе нет никаких данных, подтверждающих, что банку «Менатеп» принадлежит более 90%.

Государственный обвинитель Лахтин В.А.: этот термин там: «плюс холдинги, получавшие кредит» – это что означает, как Вы можете объяснить?

Подсудимый Лебедев П.Л.: я так понимаю, что здесь сгруппирована позиция в реестре – так, как она отражена в реестре акционеров «ЮКОСа» – по банку «Менатеп», плюс холдинги. Я предполагаю, наверное, это так и есть, Ваша честь – те холдинги, финансирование которым на покупку акций представлял банк «Менатеп». Или это те холдинги, которые держат акции «ЮКОСа» в номинальном держании банка «Менатеп». Вот или то, или то. Точно утверждать – я не знаю, но в любом случае это те или иные

структуры, которые являются прямыми клиентами банка «Менатеп» в части операций.

Государственный обвинитель Лахтин В.А.: что Вам известно, каким образом были выкуплены акции ОАО «НК «ЮКОС» у банка «Менатеп» компаниями «Группы «Менатеп»?»

Подсудимый Лебедев П.Л.: компании «Группы «Менатеп» никогда не выкупали акции у банка «Менатеп», поэтому мне об этом ничего не известно. Более того, мне достоверно известно, как директору «Group Menatep Limited», что такого никогда не было.

Государственный обвинитель Лахтин В.А.: и какая сумма вошла в конкурсную массу банка «Менатеп» от продажи акций ОАО «НК «ЮКОС»?»

Подсудимый Лебедев П.Л.: я не понял вопрос.

Государственный обвинитель Лахтин В.А.: значит, перейдем к компании «Hulley Enterprisers Limited» и, в частности, эта компания зарегистрирована на Кипре, как Вы помните, и вопрос такой, на какие средства эта компания, «Hulley Enterprisers Limited», приобрела более 70% ОАО «НК «ЮКОС»? Что Вам известно?

Подсудимый Лебедев П.Л.: на средства структур «Группы Менатеп». В основном, компании «Menatep Limited».

Государственный обвинитель Лахтин В.А.: на какие средства компания, соответственно, компания «Group Menatep», ее дочерние компании «Hulley Enterprisers Limited» и «YUKOS Universal Limited» приобрели акции ОАО «НК «ЮКОС»?»

Подсудимый Лебедев П.Л.: ответ тот же самый, за исключением «Group Menatep Limited» никогда не приобретала акции «ЮКОСа». Это, во-первых. Ваша честь, если они действительно читали и знают мои показания, я не знаю, почему такой вопрос задается.

Государственный обвинитель Лахтин В.А.: я по тексту обвинительного заключения, я просто проверяю соответствие текста обвинительного заключения доказательствам.

Подсудимый Лебедев П.Л.: и тогда я отмечаю, что в тексте обвинительного заключения в части «Group Menatep Limited» содержится заведомо ложное утверждение, Ваша честь, поскольку «Group Menatep Limited» акций «ЮКОСа» никогда не покупала, ни одной. Я уже объяснил, что «Group Menatep Limited» – это классическая международная инвестиционная холдинговая компания, которой принадлежат исключительно пакеты стопроцентных дочерних предприятий. Все. Больше эта материнская компания ничем не занималась. Она получала только дивиденды от своих стопроцентных дочерних предприятий. Это классическая структура холдинговой компании. И цель ее как раз и была, и состояла в том, чтобы управлять стопроцентными пакетами акций своих дочерних предприятий. Акции компании «ЮКОС» компанией «YUKOS Universal Limited», компанией «Hulley Enterprisers Limited» были приобретены ими как на собственные средства, так и на средства, предоставленные компанией «Menatep Limited», структурами, а все эти структуры входят в состав «Group Menatep Limited».

Государственный обвинитель Лахтин В.А.: касаясь банкротства банка «Менатеп», о котором Вы уже давали показания, меня интересует вопрос, почему акции ОАО «НК «ЮКОС», приобретенные на денежные средства банка «Менатеп», компаниями «Лагуна», «Вагант», «Крузиз», «Махаон», «Реагент», не вошли в конкурсную массу при банкротстве банка «Менатеп»?»

Подсудимый Лебедев П.Л.: прошу повторить вопрос. Почему что не вошло в конкурсную массу?

Государственный обвинитель Лахтин В.А.: почему акции ОАО «НК «ЮКОС», приобретенные на денежные средства банка «Менатеп» компаниями «Лагуна», «Вагант», «Крузиз», «Махаон», «Реагент» не вошли в конкурсную массу при банкротстве банка «Менатеп»?»

Подсудимый Лебедев П.Л.: юридически вопрос достаточно простой, поскольку у банка «Менатеп» никогда не было акций «ЮКОСа». Поэтому акции «ЮКОСа» не могли попасть в конкурсную массу. В конкурсную массу, Ваша честь, если прокурор Лахтин знает законодательство о банкротстве кредитных учреждений, попадает только имущество, принадлежащее банкроту. Они туда и не могли попасть. Теперь поясню, что

могло попасть в связи с этим вопросом в конкурсную массу банка «Менатеп». Остановлюсь на одном прецеденте, Ваша честь, это сделка, например, с тем же самым «West Merchant Bank», так называемая классическая сделка РЕПО, получение денег банком «Менатеп» под залог акций «ЮКОСа». Эти акции «ЮКОСа» банку «Менатеп» представила для этой сделки «Group Menater». Вопрос поскольку банкротства банка «Менатеп», но я понимаю, то вызывает у всех любопытство, Ваша честь, в том числе, есть два существенных элемента, которые не поняли или сфальсифицировали наши оппоненты. Акции банка «Менатеп» не использовались вообще никогда, потому что здесь определенная оговорка была, поскольку я ее перевожу как все-таки акции «ЮКОС». Теперь то, что касается акций «ЮКОСа». В 1997-1998 году для сделки по установлению контроля над «Восточной нефтяной компанией» компания «ЮКОС» привлекла ресурсы из двух источников. 500 000 000 долларов, это займ у синдиката из трех банков в счет 800-миллионной кредитной линии, участники синдиката – «Credit Lyonnais», как я уже говорил, «Merrill Lynch» и «Goldman Sachs». Этим занимался непосредственно я. И вторая сумма, это порядка 300 000 000 долларов, которые для «ЮКОСа» и для его контрагентов на рынке получал банк «Менатеп». Эти 300 000 000 долларов, основная эта сумма была получена банком «Менатеп» по сделкам РЕПО. Следующим образом. Структуры «Group Menater Limited» дали банку «Менатеп» акции «ЮКОСа», банк «Менатеп» эти акции «ЮКОСа» по сделкам РЕПО заложил иностранным банкам и получил от них сумму более 260 000 000 долларов. Основные контрагенты – это «Goldman Sachs», у которого потом эту сделку выкупил «Standard Bank» в начале 1998 года (это небольшой пакет), два больших пакета по 13 и 15 процентов – это «Daiwa Europe» (это инвестиционно-торговый банк, как я уже говорил, Ваша честь, в Лондоне, созданный японской группой международной «Daiwa»), «West Merchant Bank» (инвестиционно-торговый банк, также в Лондоне который находится, это подразделение западногерманского банка «Westdeutsche Landesbank»). И порядка, я округляю, Ваша честь, 2% – это «Евробанк». Таким образом, если эти две суммы сложить, 500 и 300 миллионов долларов, это то, что получила Российская Федерация в свой бюджет в 1997 году, в декабре, продав почти контрольный пакет акций или почти контрольный пакте акций «Восточной нефтяной компании». Маленькое уточнение, чтобы потом не было недоразумений. Выставлялся контрольный пакет, было реализовано на конкурсе 48%, из которых порядка около 45%, там 44 с хвостиком, купили структуры в интересах «ЮКОСа». То есть, это те нанятые «ЮКОСом» инвестиционные дилеры, которые непосредственно принимали участие в покупке акций, это около 45%. Параллельно для «ЮКОСа» на рынке у иных владельцев в этот же период было куплено порядка 9%. После того, как компания «ЮКОС» получила разрешение у Государственного комитета на приобретение 100% акций «Восточной нефтяной компании», «ЮКОС» все эти пакеты акций оформил в свою собственность. Теперь по займам. И те, и те займы, Ваша честь, и 500 000 000, я округляю, и 300 000 000, они были сделаны в интересах «Нефтяной компании «ЮКОС», если упростить, в обмен на контрольный пакет акций «Восточной нефтяной компании». По займу у синдиката в 500 000 000 долларов «ЮКОС» рассчитался в конце 2000, начале 2001 года полностью, досрочно. В течение 1997-1999 годов я лично, непосредственно участвовал в переговорах с членами этого синдиката, с банками «Credit Lyonnais», «Merrill Lynch» и «Goldman Sachs». О том, что этот займ «ЮКОСом» был погашен, указано в отчетности. Никаких претензий к «Нефтяной компании «ЮКОС» у банков нет. Что касается вот этих четырех банков – «West Merchant Bank», «Daiwa Europe», «Евробанк» и «Standard Bank London», Ваша честь, я уже кратко объяснил эту ситуацию, в итоге все эти акции вернулись в «Group Menater», оттуда, откуда они были выданы. Как происходил последовательно выкуп этих акций у этих банков, Ваша честь, подробно изложено в документах, которые есть в материалах дела. Но с точки зрения процедуры банкротства есть один нюанс. Поясню, с чем это связано, Ваша честь, и с чем не согласились, как я уже обратил внимание, Ваша честь, наши российские арбитражные суды. Сделки РЕПО, залог под обеспечение в виде акций, в соответствии с Законом Российской Федерации «О

банкротстве кредитных организаций» относятся к так называемой третьей очереди. Их всего пять. То есть, к третьей очереди, перед бюджетом. Это было связано с тем, чтобы специально защитить интересы всех кредиторов и интересы банкрота, поскольку в качестве полученного кредита банкрот ранее предоставлял обеспечение. Поэтому, в соответствии с той процедурой, которая у нас действовала в 1999 году на территории Российской Федерации, например, «West Merchant Bank» должен был заявить свои права требования в третью очередь на всю сумму, 125 000 000 долларов, и тогда бы пакет акций «ЮКОСа», обеспечивающих этот займ, средства от реализации этого пакета в ходе конкурсного производства пошли бы всем участникам, и в первую очередь – третьей группе кредиторов, в том числе, и «West Merchant Bank». Этого сделано не было, Ваша честь, поскольку «West Merchant Bank», вместе с конкурсным управляющим, которого пришлось потом, скажем так, уволить после возбуждения уголовного дела, они с судом сделали следующую процедуру вместе с «West Merchant Bank»: они оценили пакет акций в 15 центов, то есть всего 50 000 000 долларов 15% пакет акций «ЮКОСа». Таким образом, из суммы 125 000 000 долларов они зачили для себя 50 000 000 долларов, оставили этот пакет себе, Ваша честь, а разницу, 125 минус 50 миллионов – это 75 000 000 долларов, плюс проценты, но ничем не обеспеченные, предъявили в качестве прав требования к банку «Менатеп», и с этим российский суд согласился. Это, скажем так, почему-то вступило в законную силу. В чем проблема изначальная была? Наши суды в 1999 году практически не видели разницы между двумя процедурами банкротства – банкротства предприятий и банкротства кредитных учреждений. Законодательство о банкротстве там совершенно разное. Практических навыков у судей для того, чтобы банкротить кредитные учреждения, не было никаких, они действовали по так называемой примитивной аналогии в соответствии с той практикой, которую они получили при банкротстве предприятий, и в этом отношении банку «Менатеп» не очень повезло. Несмотря на это, Ваша честь, все права требования к банку «Менатеп» в итоге выкупил, их список в материалах дела есть. В том числе, и права требования «West Merchant Bank» там имеются. Поэтому, отвечая на этот вопрос, если совсем кратко, банку «Менатеп» не принадлежали акции «ЮКОСа», это юридическая, формальная причина, поэтому они и не могли там оказаться. Денежные средства от реализации акций «ЮКОСа» в ходе конкурсного производства, в части тех пакетов акций, которые принадлежали иностранным кредиторам банка «Менатеп», могли бы оказаться в конкурсной массе, если бы российские арбитражные суды, которые приводили, сопровождали процедуру банкротства, соблюдали бы законы Российской Федерации о банкротстве кредитных организаций. Но не акции «ЮКОСа», естественно, а денежные средства.

Государственный обвинитель Лахтин В.А.: можете что-нибудь пояснить или добавить к сказанному об обстоятельствах, при которых Вы стали акционером «Group Menatеп Limited»?

Подсудимый Лебедев П.Л.: к тому, что я сказал, ничего добавить не желаю, в части, как я стал акционером «Group Menatеп Limited».

Государственный обвинитель Лахтин В.А.: и по поводу приобретения акций «Group Menatеп Limited» за 660 долларов США.

Подсудимый Лебедев П.Л.: объяснить что?

Государственный обвинитель Лахтин В.А.: обстоятельства приобретения акций компании «Group Menatеп Limited».

Подсудимый Лебедев П.Л.: Ваша честь, в сентябре 1997 года мы обратились к иностранной аудиторско-консалтинговой компании «Chrysanthou & Christoforou», с которой я до этого имел деловые отношения, купить и продать нам зарегистрированную на Гибралтаре частную международную компанию, отвечающую нашим целям, что и было ими сделано. Кипрская компания «Chrysanthou & Christoforou» купила для нас действующую компанию «Flaymon Limited», зарегистрированную на Гибралтаре 05 сентября 1997 года (регистрационный № 62541). После этого мы, в том числе я, Лебедев П.Л. и Ходорковский М.Б., обратились в соответствии с Законом Российской Федерации

«О валютном регулировании и валютном контроле» в Центральный Банк Российской Федерации, поскольку приобретение акций иностранной компании «Flaymon Limited» с оплатой в иностранной валюте требовало получения соответствующей лицензии Центрального Банка Российской Федерации». Далее. «14 октября 1997 года мне была выдана соответствующая лицензия Центрального Банка Российской Федерации № 32-11-1197/97», том 42, л.д. 118-119, на которые я ссылаюсь в своих показаниях. Здесь написано: «Центральный Банк Российской Федерации», дальше написано: «Выдана господину Лебедеву Платону Леонидовичу», номер лицензии, который я сказал, 32-11-1197/97. «настоящей лицензией Центральный Банк Российской Федерации разрешает господину Лебедеву Платону Леонидовичу», указаны адреса, «приобрести акции компании «Flaymon Limited» на общую сумму до 10 000 долларов США». Далее описана та процедура, которую я должен был исполнить в соответствии с действовавшим на тот момент законодательством о валютном регулировании и валютном контроле в Российской Федерации. После чего я 27 октября 1997 года заключил договор с кипрской компанией «Chrysanthou & Christoforou» на покупку 387 321 акции иностранной компании «Flaymon Limited». Далее, заплатив 26 ноября 1997 года со своего валютного счета в банке «Менатеп» за акции 660 долларов и 40 центов, я стал акционером иностранной компании «Flaymon Limited». Здесь все приведены ссылки на том 42 и на листы дела 37-240, где находятся доказательства, подтверждающие те сведения, на которые я ссылаюсь в своих показаниях. 660 долларов на тот момент были эквивалентны номинальной стоимости 387 321 акции, если переводить, Ваша честь, в доллары через фунты. Номинальная стоимость акции в пенсах точно так же указана, она в материалах дела есть. Простое арифметическое действие, связанное сначала с умножением, а потом со сложением, мы как раз получаем вот эту сумму, 660 долларов, эту цену. Ваша честь, у меня на тот момент (напоминаю, это 1997 год) были денежные средства в личном распоряжении более, чем 660 долларов. К этому периоду, Ваша честь, согласно налоговым декларациям, я заработал уже более миллиона долларов, в налоговой декларации, которая у Вас тут есть, Ваша честь, за 1997-й год указано, я одних налогов заплатил в бюджет полмиллиарда рублей, Российской Федерации. Таким образом, Ваша честь. 660 долларов, о которых спрашивал прокурор Лахтин, у меня были.

Судом объявляется перерыв.

11 часов 35 минут – судебное заседание продолжено в том же составе.

Подсудимый Лебедев П.Л.: Ваша честь, добавлю, в томе 34 находится документ, выданный банку «Менатеп» управлением ценных бумаг. Это количество акций банка «Менатеп», выкупленных Лебедевым Платоном Леонидовичем, начиная с декабря 1992 года по 30 июня 1997 года. Здесь приведено, когда я их приобретал, и количество акций. Это мой ответ на вопрос оппонентов.

Государственный обвинитель Лахтин В.А.: скажите, пожалуйста, за счет кредитных средств банка «Менатеп» приобретались акции компании ОАО «НК «ЮКОС», в том числе дочерних компаний, Завода минеральных удобрений, «Волготанкер» и прочие предприятия? Такую ситуацию помните? За счет кредитных средств банка «Менатеп».

Подсудимый Лебедев П.Л.: Ваша честь, все-таки у меня просьба. Как выражаются оппоненты, направьте, пожалуйста, прокурора как-нибудь поближе к предмету, которым мы здесь занимаемся.

Председательствующий: Валерий Алексеевич, в связи с чем Вы вопрос задаете?

Государственный обвинитель Лахтин В.А.: в связи с тем, что меня интересует процедура банкротства банка «Менатеп» для того, чтобы задать другие вопросы, и почему при банкротстве банка «Менатеп» не были переданы акции, в частности, ОАО «НК «ЮКОС», дочерних компаний, Завода минеральных удобрений, «Волготанкер» в конкурсную массу в связи с тем, что эти акции были приобретены за счет кредитных средств банка «Менатеп».

Вопрос снят.

Государственный обвинитель Лахтин В.А.: скажите, пожалуйста, подсудимый, Вы входили в комитет кредиторов банка «Менатеп»?

Подсудимый Лебедев П.Л.: я принимал участие в комитете кредиторов банка «Менатеп».

Государственный обвинитель Лахтин В.А.: от имени какой конкретно организации?

Подсудимый Лебедев П.Л.: от имени Лебедева Платона Леонидовича. Я именно как Лебедев Платон Леонидович кредитор банка «Менатеп». Мне банк «Менатеп», как и многие другие лица, формально был должен.

Государственный обвинитель Лахтин В.А.: а за счет каких денежных средств были погашены долги вкладчиков банка «Менатеп»?

Вопрос снят.

Государственный обвинитель Лахтин В.А.: каким образом были погашены кредиты, полученные банком от зарубежных и российских банков?

Подсудимый Лебедев П.Л.: Ваша честь, все права требования иностранных кредиторов к банку «Менатеп» выкупил я, как директор «Group Menatep Limited», на структуры «Group Menatep Limited». Документы, Ваша честь, если – я не понимаю, с чем это связано – но если это нужно исследовать, давайте мы откроем тогда эти документы, и будем смотреть. Я уже объяснил, как я это сделал.

Государственный обвинитель Лахтин В.А.: подсудимый, Вам известны компании «Menatep Limited», «Group Menatep», «YUKOS Universal Limited», а кто являлся директорами этих компаний? Они упомянуты в обвинительном заключении, в постановлениях о привлечении в качестве обвиняемого.

Подсудимый Лебедев П.Л.: Ваша честь, директором «Group Menatep Limited» был Лебедев Платон Леонидович. Директором компании «YUKOS Universal Limited» как стопроцентной дочерней компании «Group Menatep Limited» был Лебедев Платон Леонидович. Директором «YUKOS Universal»? Точно так же был Лебедев Платон Леонидович.

Государственный обвинитель Лахтин В.А.: объясните, пожалуйста, обстоятельства приобретения компанией «Group Menatep Limited» 100% акций у компании «Menatep Limited».

Подсудимый Лебедев П.Л.: Ваша честь, я не понял вопрос.

Государственный обвинитель Лахтин В.А.: я снимаю вопрос.

Судом объявляется перерыв.

11 часов 50 минут – судебное заседание продолжено в том же составе.

Государственный обвинитель Лахтин В.А.: в своих показаниях Вы ссылались на соглашение о покупке компанией «YUKOS Universal Limited» у компании «Menatep Limited» прав требования к банку «Менатеп» на сумму 18 278 000 000 рублей, в качестве оплаты компания «Menatep Limited» получила 100 000 000 акций компании ОАО «НК «ЮКОС». Объясните, пожалуйста, почему тогда права требования к банку «Менатеп» к указанным юридическим лицам были оплачены ОАО «НК «ЮКОС»?

Подсудимый Лебедев П.Л.: еще раз повторите, пожалуйста, вопрос.

Государственный обвинитель Лахтин В.А.: почему права требования к банку «Менатеп» были оплачены ОАО «НК «ЮКОС»? Том 119 л.д. 160.

Подсудимый Лебедев П.Л.: Ваша честь, в действительности он мне предъявил, он просто до конца сам не понял, что он мне предъявил, л.д. 154-160. Ваша честь, там находится соглашение между двумя стопроцентными дочерними компаниями «Group Menatep Limited» – «Menatep Limited» и «YUKOS Universal Limited». Суть этого соглашения очень простая. Компания «Menatep Limited», выкупившая все права требования российских и иностранных кредиторов, продает эти права требования компании «YUKOS Universal Limited». Цена договора, то есть стоимость этих прав требования по договору, установлена в сумме 222 469 830 долларов и 9 центов. Чуть ниже. В обмен, Ваша честь, на эти права требования к банку «Менатеп», они номинальной суммой, л.д. 160, это номинал прав требований по реестру кредиторов банка «Менатеп», 18 278 410 745 рублей и 20 копеек. В обмен на эти права требования «Menatep Limited» получила 100 000 000

акций «ЮКОСа», которые принадлежали «YUKOS Universal Limited». Вот эту сумму, л.д. 154, 222 469 000 долларов, я, как директор «YUKOS Universal Limited», списал на убытки «YUKOS Universal Limited». Эта резолюция находится в томе 36 л.д. 162-165. Ваша честь, резолюция «YUKOS Universal Limited». Здесь как раз указана эта сумма, 222 469 000, и там русский перевод есть, чтобы потом недоразумений не было. «Решено списать в качестве убытка по операциям компании сумму в 222 469 830 долларов и 9 центов, что вызвано приобретением права действия», то есть, на самом деле, права требования «к банку «Менатеп», который признан банкротом в соответствии с решением арбитражного суда г. Москвы и впоследствии ликвидирован». Ваша честь, теперь вернемся к тому 119. 154 лист. Компания «ЮКОС» здесь, Ваша честь, вообще не упоминается. Здесь упоминаются только акции компании «ЮКОС», которые компания «YUKOS Universal Limited» продала компании «Menatep Limited».

Государственный обвинитель Лахтин В.А.: акции ОАО «НК «ЮКОС» выкупались у зарубежных банков на денежные средства ОАО «НК «ЮКОС»?

Подсудимый Лебедев П.Л.: акции «Нефтяной компании «ЮКОС» структурами «Group Menatep Limited» покупались на средства «Group Menatep Limited». А в Вашем вопросе, прокурор, содержится ложное утверждение о том, что акции «ЮКОСа» структурами «Group Menatep Limited» выкупались якобы на деньги «ЮКОСа». Вы лжете суду в своем вопросе.

Государственный обвинитель Лахтин В.А.: это в Вашем понимании это ложное утверждение, а в моем нет.

Подсудимый Лебедев П.Л.: тогда доказательства суду Вы должны представить.

Государственный обвинитель Лахтин В.А.: как Вы объясните, что выкупленные у зарубежных банков более 30% акций ОАО «НК «ЮКОС» на денежные средства этой компании, а также покупка прав требований к банку «Менатеп» на сумму 18 000 000 000 рублей обошлась группе компаний «Менатеп» всего в 4% процента акций ОАО «НК «ЮКОС»?

Подсудимый Лебедев П.Л.: Ваша честь, мне приятно, что помимо обвинений в вымогательстве и фальсификации обвинений заведомо ложных мы набираем факты для служебных подлогов в данном публичном судебном разбирательстве, в общем-то, достаточно. Таким образом, в 1998 году – в 1999 году, если это известно ведущему специалисту по рынку ценных бумаг прокурору Лахтину, акции российских эмитентов в связи с государственным дефолтом, финансовой катастрофой, которая постигла Российскую Федерацию, практически ничего не стоили. Для этого всего лишь нужно поднять результаты торгов акциями российских эмитентов, которые осуществлялись на российских торговых площадках. Мне известно, что в этот период, 1998, если взять, Ваша честь, вторую половину 1998 года и первую половину 1999 года, дисконт по государственным ценным бумагам на рынке был 95%, если попроще объяснить, что за рубль номинала на рынке давали 5 копеек. А акции российских эмитентов, в частности, к компании «ЮКОС», стоили несколько центов или несколько десятков центов. По компании «ЮКОС» самая минимальная котировка в начале 1999 года, я не помню, сколько, но, Ваша честь, порядок, который приведен в оценке, где-то в интервале 10 рублей, что-то в этом роде, 10-20 рублей, не больше. Если перевести в доллары, это несколько десятков центов. Напоминаю, «West Merchant Bank» закрывал позицию по акциям «ЮКОСа», это в материалах дела есть, 15 центов за одну акцию. Это лето 1999 года. В 2003 году акция «ЮКОСа» уже стоила более 16 долларов за одну штуку, в какое количество раз, легко установить – более чем в сто раз. Стоимость пакета, например, «West Merchant Bank», с которым он расстался по 15 центов и который он оценил всего лишь в 50 000 000 долларов, в 2003 году стоил более пяти с половиной миллиардов долларов. Но он решил эти акции продать не в 2003 году, а в тот период, когда на рынке они практически ничего не стоили. Это его дело. Поскольку, Ваша честь, речь идет о декабре 2000 года, то к этому моменту акции «ЮКОСа» выросли почти в десять раз. В этот же период, Ваша честь, конец 2000 года, есть несколько сделок, которые я совершал с

акциями «ЮКОСа», у них цена, если что-либо понимают наши оппоненты в арифметике, была более 2 долларов за штуку. Поэтому если сопоставить масштаб цен, и эту цифру, Ваша честь, 222 000 000 долларов, через акции «ЮКОСа», то можно понять, что речь идет о капитализации, если умножить на 15 эту цифру, около 3 000 000 000 долларов капитальной стоимости. Здесь нет ничего удивительного. Таких провалов, как был на рынке в 1998-1999 году, Российская Федерация просто не знает. Если попробовать объяснить это попроще, в 1998-1999 году экономика Российской Федерации достигла кристаллического фундамента, то есть ниже было некуда. Дальше, да, можно было или оставаться на этом уровне, или только расти, но ниже падать уже было некуда, был практически ноль. Поэтому стоимость акции «ЮКОСа» выросла за этот период, Ваша честь, в основном, по двум причинам, обращаю внимание на два основных момента. Во-первых, выросла почти в четыре раза стоимость нефти на международных рынках, я эти данные уже приводил, она с 8 долларов, стоимость нефти поднялась под 30 долларов. Это первый и основной критерий, который влиял на стоимость акции «ЮКОСа», если брать конец 1998 года, то есть декабрь 1998 года, и декабрь 2000 года. К декабрю 2000 года, Ваша честь, компания «ЮКОС» с точки зрения капитальной стоимости представляла собой совсем иную компанию, чем в декабре 1998 года. Она уже владела почти 100% основных дочерних добывающих предприятий «ЮКОСа», и ей уже к тому моменту принадлежал контрольный пакет акций «Восточной нефтяной компании». Все это учитывалось всеми инвесторами при оценке стоимости акций «ЮКОСа». Но по состоянию на 1997 год, я на что обращаю внимание суда, у «ЮКОСа» не было «Восточной нефтяной компании» вообще, а пакеты акций дочерних предприятий, они были порядка 38-40% или от общего, стопроцентного количества акций, или так называемые контрольные пакеты акций из голосующих, это 51, там 55%. Поэтому стоимость акций «ЮКОСа», да, эти 2 доллара после дефолта естественным образом существенно выросла, точно так же, как и выросла стоимость акций всех остальных российских компаний, которые котировались на биржевых площадках. Здесь нет ничего удивительного. Если бы они эту историю продолжили не в декабре 2000 года, Ваша честь, а чуть-чуть попозже, я Вам показал, за такой маленький пакет акций «ЮКОСа», когда он стоил уже 4 доллара 36 центов, да, я выкупил права требования к «Нефтяной компании «ЮКОС», которые они получили в обмен на права требования к банку «Менатеп». Там остался совсем маленький пакет акций «ЮКОСа», потому что к тому моменту, Ваша честь, это уже август-сентябрь 2001 года, акции «ЮКОСа» уже стоили более 4 долларов за штуку. Теперь, поскольку в вопросе соучастника преступных, в общем-то, деяний Каримова, Лахтина, содержится ложное утверждение, что акции «ЮКОСа» покупались на деньги «ЮКОСа», он даже не понял, что он спросил, на самом деле, такого не было, даже если он подразумевал, что речь шла о правах требования к банку «Менатеп», я уже объяснил, как это происходило, Ваша честь. Компания «ЮКОС» выкупала права требования к банку «Менатеп» в первую очередь потому, что «ЮКОСу» самому необходимы были права требования к банку «Менатеп», для того, зачесть встречные требования к тому же банку «Менатеп», как ни странно, именно по сделке, связанной с покупкой контрольного пакета акций «Восточной нефтяной компании». И «ЮКОС» был в этом в первую очередь заинтересован, потому что именно для него, для «ЮКОСа» «Восточная нефтяная компания» и приобреталась, в том числе, и за счет займов банка «Менатеп». А именно поэтому «ЮКОС» и выкупал права требования к банку «Менатеп». Я почему обращаю внимание, Ваша честь, на ошибку «PricewaterhouseCoopers» и ошибку наших оппонентов? Они разницы между правами требованиями к банку «Менатеп» и активами банка «Менатеп» не понимают напрочь. Какой-то изъян в голове, не знаю, как, понимают они разницу? Если упрощать, Ваша честь, подход по «Восточной нефтяной компании», если совсем примитивно «ЮКОС» был должен банку «Менатеп» в связи со сделкой по покупке контрольного пакета акций «Восточной нефтяной компании», поскольку он гарантировал, выдавал свои обязательства банку «Менатеп» во всех инвестиционных видах. Это объем обязательств, как следует из материалов

сфабрикованного дела, на сумму более 6 миллиардов рублей. Поэтому «ЮКОС» и был заинтересован выкупить права требования к банку «Менатеп», для того, чтобы зачесть встречные к нему права требования. Она в Гражданском кодексе так и называется, зачет встречных требований.

Государственный обвинитель Лахтин В.А.: известны ли Вам бенефициарные владельцы компаний «Behles Petroleum», «South Petroleum» и «Baltic Petroleum»? Соответственно, полные названия – это «South Petroleum Limited» и «Baltic Petroleum Trading Limited», упрощаю.

Подсудимый Лебедев П.Л.: состав бенефициарных владельцев «South Petroleum Limited» и «Baltic Petroleum Limited» я предъявлял суду позавчера, если мне не изменяет память, это в томе 42 или 32.

Государственный обвинитель Лахтин В.А.: Вы подтверждаете свои показания, данные позавчера? Есть ли Вам что-либо добавить к тем показаниям, которые Вы ранее давали? Или Вы не помните своих показаний, которые дали, данные позавчера, не можете сейчас подтвердить, пояснить, кто является бенефициарными владельцами этих компаний?

Подсудимый Лебедев П.Л.: бенефициарные владельцы компаний «South Petroleum Limited» и «Baltic Petroleum Limited» мне известны из материалов сфабрикованного дела. Они приведены в аудированной финансовой отчетности компаний «South Petroleum Limited» и «Baltic Petroleum Limited». Их наименования мне известны из материалов, как я уже сказал, сфабрикованного дела, с одной оговоркой. Мне известно, поскольку там не упоминаются физические лица, а упоминаются только юридические лица, что, назовем так, к бизнесу «South Petroleum Limited» и «Baltic Petroleum Limited» имели отношение Питер Бонд, Дэн Райан, Кристофер Самуэльсон, Стивен Кертис, Феликс Поль. Являются ли они бенефициарными владельцами, мне это неизвестно, поскольку я никогда такую информацию не проверял и перед собой не ставил. Мне это было вообще не нужно. Но мне известно, что Стивен Кертис и Дэн Райан предложили нам, то есть «Group Menatep Limited», где-то на стыке 1999-2000 года выкупить у них 30% бизнеса «South Petroleum Limited» и «Baltic Petroleum Limited». Они это предложили как «Group Menatep Limited», так и компании «ЮКОС». Я отказался, и Мишель Сублен отказался. Поскольку это предложение было, из этого я и строю свои предпосылки, что Дэн Райан и Стивен Кертис какое-то отношение к бизнесу «South Petroleum Limited» и в качестве бенефициарного владения, или «Baltic Petroleum Limited», какое-то отношение имели. Но я еще рез говорю, документов я не видел. От них же я знаю, что приблизительно аналогичную долю имели Питер Бонд и Кристофер Самуэльсон. Хотя в отношении Самуэльсона, я бы сказал так, у меня вот такой уверенности нет, просто его каждый раз упоминали, как бы вместе с Питером Бондом. Я никогда не спрашивал ни у Питера Бонда, ни у Кристофера Самуэльсона, никогда не выяснял, какая у них бенефициарная доля владения в этом бизнесе. Поскольку еще упоминался Феликс Поль, я его тоже знал, я не знаю, какое отношение он имел к бизнесу, но он упоминался, и был ли он бенефициарным владельцем. Теперь по поводу бенефициарных владельцев компании «Behles Petroleum S.A.». В томе 132 на листах дела 16-17 есть уведомление адвоката Дреля, адресованное Дагу Миллеру, в «PricewaterhouseCoopers», датированное 27 августа 2002 года. Лист 16. Здесь, Ваша честь, сообщается, в части вопроса, который задает Лахтин, адвокат информирует их о то, что «насколько мне известно, «Group Menatep Limited» никогда не являлась акционером «Behles Petroleum S.A.», «Baltic Petroleum Trading Limited» или «South Petroleum Limited». Я это на сто процентов подтверждаю как директор «Group Menatep Limited». «В то же самое время необходимо отметить, что «Menatep Limited» (Гибралтар), являясь стопроцентной дочерней структурой «Group Menatep», владеет, в свою очередь, швейцарской дочерней компанией «Menatep S.A.». На начало 2002 года «Menatep S.A.» владел 10% пакетом акций люксембургской холдинговой компании «Petroleum Finance Holding S.A.», зарегистрированного владельца «Behles Petroleum S.A.», и в соответствии с существующим соглашением с рядом бенефициарных акционеров «Petroleum Finance Holding», указные 9% акций должны были быть проданы им до конца

2002 года». Я подтверждаю эту информацию, что компания «Menatep S.A.» в 2002 году владела 9% в люксембургском холдинге «Petroleum Finance Holding S.A.». Также подтверждаю информацию, что этот люксембургский холдинг «Petroleum Finance Holding S.A.» на 100% владел компанией «Behles Petroleum S.A.», зарегистрированной в Швейцарии. Таким образом, бенефициарным владельцем 9% «Behles Petroleum S.A.» была компания «Menatep S.A.» и ее материнская соответствующая материнская компания «Menatep Limited», и, в свою очередь, ее материнская компания «Group Menatep Limited». Далее, адвокат сообщает: «Настолько, насколько я знаю, «Menatep S.A.» никогда не участвовала в бизнесе или управлении как «Petroleum Finance Holding S.A.», так и «Behles Petroleum S.A.», «Baltic Petroleum Trading Limited» или «South Petroleum Trading Limited», как и вплоть до текущего момента не получала никаких дивидендов по акциям «Petroleum Finance Holding S.A.». Я эту информацию подтверждаю, что «Menatep S.A.» никогда никаких дивидендов не получала на свою долю в «Petroleum Finance Holding S.A.», и точно так же подтверждаю, что эти структуры не принимали вообще никакого участия в бизнесе «South Petroleum Limited» и «Baltic Petroleum Limited». Мне известно, что бенефициарными владельцами компании «Behles Petroleum S.A.», 9% имеет через люксембургский холдинг компания «Menatep S.A.», а 91% принадлежит менеджерам «Behles Petroleum S.A.». Я могу перечислить менеджеров «Behles Petroleum S.A.», основные трейдеры, Алан Георгиадис, Питер Леванович, Франц Циммерман, Михаил Гусаров, Чарльз Мохаз. Так, в отношении general трейдеров, честно говоря, сомневаюсь. А, я забыл, Ваша честь, вот еще, 25% в люксембургском холдинге до 1999 года принадлежало независимому нефтетрейдеру, он называется «Naftex Holding S.A.», в 1999 году он свой пакет менеджерам продал. Я поподробней потом в дополнениях, Ваша честь, поясню, выкуп акций менеджментом «Behles Petroleum S.A.», мягко говоря, себе, классическая сделка Management Buy Out, когда менеджеры, которые приходят работать в компанию, становятся собственниками своей же компании через определенные сроки, на тех условиях, на которых эта сделка заключается. Они выкупили за год, может быть, чуть-чуть побольше, практически весь пакет «Behles Petroleum S.A.», и были его владельцами, и бенефициарными владельцами, и акционерами, и они могли делать с этой компанией все, что угодно. В какой-то степени, в какой-то степени, по тому же примеру в 1995 году проходила покупка акций компании «ЮКОС», чтобы было понятно. Менеджмент занял деньги, купил акции «ЮКОСа», и в итоге оформил их себе. Все, если совсем просто. То же самое сделал менеджмент «Behles Petroleum S.A.». Я не помню, Ваша честь, на память всех, основных я назвал людей, потому что с некоторыми я просто встречался. Это в 1997, где-то 1999 годах, в этот период, когда я курировал, в том числе, и службу сбыта «Нефтяной компании «ЮКОС». «Behles Petroleum S.A.», точно так же, как и «Total International Limited» и «Elf Trading S.A.», это тоже зарегистрированные в Швейцарии, были основными покупателями нефти у поставляемой «ЮКОСом» на экспорт. Поэтому я и с ними встречался, и с представителями «Total» встречался, и с представителями «Elf» встречался, и так далее.

Государственный обвинитель Лахтин В.А.: эти три компании, они являлись участниками продажи нефти за рубежом? Соответственно, в период с 1998 по 2003 год.

Подсудимый Лебедев П.Л.: если «Elf Trading S.A.» покупает нефть у «ЮКОСа», то у нее всегда есть возможность продать эту нефть кому угодно. Точно также этим занимался «Total International Limited», и точно так же этим занимался «Behles Petroleum S.A.». Это обычные на тот период сделки всех нефтетрейдеров, об их роли очень хорошо сказал один из руководителей правительства в тот период, господин Христенко, здесь Вам, Ваша честь, чем занимались нефтетрейдеры. Они покупали в российских портах экспортируемую нефть, а дальше поставляли ее туда, куда желали.

Государственный обвинитель Лахтин В.А.: и то же самое можно сказать про «Baltic» и «South», да?

Подсудимый Лебедев П.Л.: про «Baltic» я не знаю, мы нефтепродуктами-то, в общем, в этом деле не занимаемся, Ваша честь. А «South» занимался тем же самым. Более того,

просто у «South» была, как и в части моментов у «Total» и у «Elf», определенная и большая финансовая нагрузка с точки зрения финансовых рисков. Компания «South Petroleum» инвестировала в российские риски, как бы сказал, несколько десятков миллионов долларов для покупки в течение 1997-1999 года, для покупки дополнительных экспортных квот.

Государственный обвинитель Лахтин В.А.: в 109 томе обратите внимание на л.д. 223-225, там письмо от 14 июня 1999 года, направленное Питеру Бонду от детектива. И объясните, пожалуйста, что Вам известно о содержании этого письма, и согласны ли Вы с выводами, которые делает детектив в этом письме? Как Вы можете прокомментировать его, что Вам известно о тех обстоятельствах, о которых он сообщает Питеру Бонду? Прошу огласить данный документ и представить подсудимому Лебедеву П.Л. для обозрения. На л.д. 219-222 текст на иностранном языке.

Подсудимый Ходорковский М.Б.: не возражаю.

Подсудимый Лебедев П.Л.: не возражаю.

Защитник Левина Е.Л.: не возражаю.

Защитник Терехова Н.Ю.: не возражаю.

Защитник Шмидт Ю.М.: не возражаю.

Защитник Краснов В.Н.: не возражаю.

Защитник Купрейченко С.В.: не возражаю.

Защитник Ривкин К.Е.: не возражаю.

Государственный обвинитель Шохин Д.Э.: не возражаю.

Государственный обвинитель Смирнов В.Н.: не возражаю.

Суд,

Постановил:

Ходатайство государственного обвинителя Лахтина В.А. удовлетворить, огласить и представить подсудимому Лебедеву П.Л. для обозрения том 109 л.д. 223-225 копию письма от 14 июня 1999 года (перевод).

Государственный обвинитель Лахтин В.А. оглашает том 109 л.д. 223-225 копию письма от 14 июня 1999 года (перевод).

Подсудимый Лебедев П.Л. обозревает том 109 л.д. 223-225 копию письма от 14 июня 1999 года (перевод).

Государственный обвинитель Лахтин В.А.: что Вам известно об обстоятельствах, которые сообщает детектив Ник Дей. Согласны ли с выводами, которые он отразил в этом письме Питеру Бонду? И если Вы можете дополнить его воды, то дополните, пожалуйста.

Подсудимый Лебедев П.Л.: том 110, Ваша честь, для начала, чтобы было понятно, что я хотел бы пояснить, в том 110, на листе дела 239, находится мое письмо, как председателя совета директоров «Международного финансового объединения «Менатеп», адресованное руководству «Westdeutsche Landesbank» и «West Merchant Bank». Оно как раз касается сделки РЕПО между банком «Менатеп» и «West Merchant Bank» на сумму 125 000 000 долларов. Ваша честь, процитирую, чтобы потом к этому не возвращаться. «Уважаемые господа. Как мне стало известно, «West Merchant Bank» продал на рынке свои права требования к банку «Менатеп», включая акции «НК «ЮКОС». Примите мои поздравления и выражение надежды, что условия этой сделки не хуже тех дружественных условий реструктуризации, о которых я с Вами пытался договориться в течение многих месяцев, и в дальнейшем мы сможем продолжить взаимовыгодное сотрудничество. Я также хотел бы Вас проинформировать, что последние четыре месяца я вплотную занимаюсь реструктуризацией задолженности банка «Менатеп» перед иностранными кредиторами, поэтому в курсе основных провокаций, скандалов и других недружественных действий по отношению к нашей группе, организованными нашими «доброжелателями». Особенно с большой тревогой и настороженностью мы следили за информацией, поступающей из разных источников о «неаккуратных» действиях некоторых Ваших представителей из», а дальше идет перечисление, «компания «Maxima Group», господа Джон Баррел и Ник Дей, которым было поручено собрать компромат на нашу группу и шантажировать наших

партнеров и клиентов, газета «Уолл-Стрит Джорнал», господа, в которых были опубликованы заказные статьи, компании «Dart Management», которой сам «Westdeutsche Landesbank» помогал составлять affidavits против нашей группы, и других, о которых мне пока не хотелось бы упоминать в данном письме. Я искренне сожалею, что Вы не смогли или не захотели поверить в реальную дружественность наших намерений», и так далее, Ваша честь, «по отношению к Вашей группе, надеюсь, что, имея их, Вы сможете сделать правильные выводы из этой истории в интересах нашей группы». И постскриптум: «Если у Вас остались еще какие-либо неурегулированные вопросы с банком «Менатеп», прошу немедленно меня проинформировать и обязательно». Итак. Это, Ваша честь, как бы полу-финиш, но и не финиш последний. В 1999 году я в Германии вместе со своим коллегой, бывшим министром экономики Германии, графом Отто Ламбсдорфом, и представителями компетентных органов Германии встречался с представителями «Westdeutsche Landesbank», и показал им их некоторые как бы следы провокаций, которые они пытались сделать. Вот то, что сейчас зачитал господин Лахтин, это всего лишь одна из фальшивок, которая использовалась, или пытались товарищи использовать, изготовления компромата. Что выяснилось, Ваша честь? Начнем снизу. «Dart Management». Это 1999 год, Ваша честь, напоминая, это одна из компаний, которая имела существенный пакет акций в дочерних предприятиях «ЮКОСа» – «Юганскнефтегаз», «Томскнефть», «Самаранефтегаз». В документе, мы его не оглашаем, Ваша честь, но есть, юридическая фирма «Radisson», которая представляла интересы «Dart Management», на первый же мой, или по моей, точнее, просьбе запрос юристов аккуратно ответила, «откуда у Вас сведения, которые Вы включаете в свои заявления, которые пытается готовить компания «Dart Management»?», юристы из «Radisson» ответили сразу: «Это нам присылает «Westdeutsche Landesbank». Дальше, Ваша честь, «Уолл-Стрит Джорнал». Алан Каллисон, один из, как я уже сказал, профессиональных и великолепных репортеров этой газеты, я с ним встречался, точно так же сдал мне «Westdeutsche Landesbank», о том, что именно он заказывал статьи, которая публиковала газета «Уолл-Стрит Джорнал» в 1999 году, я так, образно говорю, против нас. Еще более смешная ситуация вышла с «Maxima Group». Ваша честь, поясню, слово «детектив» в документе, которое раз десять уже произнес господин Лахтин, оно вообще нигде не упоминается. Там идет анонимная подпись. Давайте вернемся на сам документ, который оглашал Лахтин. Может быть, там, конечно, еще и подпись Карла Маркса есть, я не знаю, мы сейчас посмотрим. Английский язык, указано. Где здесь он увидел слово детектив? Здесь написано «Nick Day», это по-английски. На русском Ник Дей. Теперь, Ваша честь, если он этого не знает, поясняю. Компания «Maxima» – это всего лишь частное детективное, если так можно сказать, агентство, это не государственный орган, который по просьбе иногда некоторых клиентов пытается собирать то или иное досье, в зависимости от того, на кого покажут. Таких в мире много. В Лондоне, кстати, на той же улице, где находится «Maxima», их сразу штук шесть, поэтому все равно, к какой обращаться. К несчастью, я обратился в «Westdeutsche Landesbank» вместе с «West Merchant Bank». Поэтому все, что произошло после этого, в общем-то, достаточно смешно. Я в Германии, Ваша честь, еще раз подчеркиваю, с представителями компетентных органов Германии, в присутствии представителей «Westdeutsche Landesbank», а я еще на ней присутствовал со своим коллегой, графом Отто Ламбсдорфом, для того, чтобы там не было никаких недоразумений, пытался объяснить товарищам, что такими вещами заниматься против нас, ах, нехорошо. Компетентным органам Германии отдал всю макулатуру, которую я собрал, не только которая здесь находится, а еще и больше, и туда случайно положил еще три бумажки, так что уже у «Westdeutsche Landesbank» и «West Merchant Bank» тоже родились проблемы. На это мы, в общем-то, и закончили, а это письмо, которое я продиктовал, вернее, они приобщили к сфабрикованному делу, которое я сейчас огласил – это как раз финиш наших взаимоотношений с «Westdeutsche Landesbank». Ваша честь, к сожалению, иногда люди так работают в бизнесе для того, чтобы достичь определенных целей. О чем же идет речь?

Эта «Maxima», была нанята «West Merchant Bank» для того, чтобы поработать, есть такой термин, Ваша честь, вслепую, то есть, собирая все слухи, а потом, отправляя такого рода слухи в качестве запроса от детективного агентства. Кому они там отправили-то? Да, адресовали Питеру Бонду. Здесь нет вводов, здесь одни вопросы, о каких выводах говорит Лахтин, я, в общем-то, не понял. Хотя эти, не все, правда, вопросы, на самом деле, здесь очень много глупых утверждений и в вопросах самих содержится. Непонятно, откуда они их брали, откуда они их брали, Ваша честь, остается только догадываться. Если нужно эту тему разбирать, она очень интересная, этому можно посвятить несколько дней, Ваша честь.

Государственный обвинитель Лахтин В.А.: Ваша честь, я всего лишь задаю вопрос, он согласен с текстом, который подписал детектив, или не согласен с текстом, который подписал детектив? С этими выводами.

Подсудимый Лебедев П.Л.: кто это подписал, господин Лахтин? Такие вещи никто никогда не подписывает. Где это Вы видели, чтобы фальшивки детективных агентств кто-либо подписывал? Его же тут же к суду привлекут, кстати, для Вашего сведения. Ник Дей – это аноним, такого человека не существует. И Вы должны понимать, как работают частные детективные агентства.

Государственный обвинитель Лахтин В.А.: так я и формулирую вопрос, согласен ли он с информацией, оглашенной в томе 109 тома, который я сейчас оглашал?

Подсудимый Лебедев П.Л.: нет, не согласен, потому что когда Вы оглашали, Вы допустили более десяти ошибок, то есть Вы читали неправильно, то есть не то, что там было написано. В этой части с тем, что Вы оглашали, я согласиться, естественно, не могу.

Государственный обвинитель Лахтин В.А.: в той части текста, которую он сейчас видит, Лебедев, он согласен с...

Подсудимый Лебедев П.Л.: в той части, в которой я вижу? Я сразу же три листа видеть не могу. Итак, пойдём, Ваша честь, по очереди. Ваш честь, Лахтин забыл Вам сказать, он перепутал как раз листы, потому что на листах 218-220 как раз и содержится почти все то, что он почему-то хочет спросить у меня. Здесь содержится документ от Питера Бонда: «29 июня нам нанесли визит господина Джон Баррел и Ник Дей из компании «Maxima Group», расположенной по адресу. Господина Баррел и Дей подошли ко мне на стоянке автомобилей перед офисом, обратились ко мне по имени, и сообщили, что они из бюро расследований, недавно вернулись из России, что они хотели бы обсудить со мной некоторые вопросы. Я согласился, и проводил их в комнату переговоров. Затем я попросил Трейнора Николса принять участие в совещании, которое началось в 9 утра». Итак, Ваша честь, я не буду раскрывать подлинные имена этих двух агентов, или детективов так называемого частного бюро, это не имеет никакого отношения к процессу, напоминаю, что волновало на самом деле. Здесь даже идет, что их клиент, Ваша честь, «имеет серьезное влияние на «Уолл-Стрит Джорнал». У меня руководитель «Westdeutsche Landesbank», когда я ему показал на встрече в присутствии компетентных органов Германии, даже упал в обморок от такого рода заявлений, а когда я показал это Алану Каллисону, и сказал, что я в Штаты когда приеду, редактора «Уолл-Стрит Джорнал», да, на эту тему, Вы же понимаете, какая была реакция. «Мало ли какие ненормальные люди есть на свете, чего они только могут ни написать». Проблема даже не в этом. Я не думаю, что в нашем процессе стоит тратить время на так называемые нецивилизованные технологии в бизнесе, которые, к сожалению, иногда используются. Я, к сожалению, с ними сталкивался, я их вынужден был, Ваша честь, по-русски сказать, гасить. Поэтому все, что касается профессиональной темы, да, минимизации рисков для «Group Menatep Limited» в этой части, я Вас уверяю, что после 25 октября 1999 года эта тема в отношении всех, они не только просто закрыта, что все контрагенты ее даже боятся, как бы это сказать, упоминать. Более того, в действительности подоплека опасений, Ваша честь, «West Merchant Bank» была связана с чем. Они боялись или опасались, что принятое решение о проведении дополнительной эмиссии акций, в том числе, «Юганскнефтегаза», приведет к сокращению действительной стоимости пакетов акций, которые принадлежали как нам, так и иностранным кредиторам

банка «Менатеп». Решение, которое принимало собрание акционеров «Юганскнефтегаза», в том числе, о дополнительной эмиссии в 1999 году, было вызвано катастрофическим финансовым положением не только «Юганскнефтегаза», но и всех нефтедобывающих предприятий. Дополнительная эмиссия необходима была для того, чтобы попробовать от новых акционеров получить деньги для того, чтобы «Юганскнефтегаз» оставался, если так можно выразиться, на плаву. В итоге, Ваша честь, «ЮКОС» сумел удержать и без допэмиссии «Юганскнефтегаза» и других «дочек» «Юганск» на плаву, поэтому дополнительная эмиссия в 1999 году была отменена, просто отменена, она и не осуществлялась. Ваша честь, я, конечно, могу попросить юристов, если это действительно Вас интересует, томов шесть у нас на эту тему есть, если это так интересует Лахтина, рассказать, чем иногда шалят в международном бизнесе уважаемые институты, и как иногда неаккуратно ведут себя ведущие средства массовой информации, все ошибаются, все прокалываются. Но, по вопросу Лахтина, я не подтверждаю здесь информации, которая в форме вопросов, вообще, содержится и адресована на имя Питера Бонда. Даже мне известно, например, л.д. 223, чтобы, Ваша честь, потом не было недоразумений, английский лучше текст, потому что я не знаю, кто переводил на русский. Давайте, пункт шестой, например. Ваша честь, такой компании, «Behles Limited», она, например, мне не известна. Точно так же, как, я Вас уверяю, и такой компании нет, «Brahma Limited». Скажем так, я знаю, с чем это связано, да, такого рода благоглупости, да, но это к делу, в общем-то, не имеет практически никакого отношения. Вот здесь как раз затрагивается в пункте четвертом тема, которая волновала на самом деле. Я не знаю этих утверждений, «Вы являетесь директором компании «Sun Limited», вам принадлежат 50% акций, а оставшимися компания владеет», я не знаю этих сведений и не знаю этой компании. Проблема даже не в этом. Вот о чем идет речь. «Она является одной из четырех предложенных получателей новых акций компании «Юганскнефтегаз», входящей в состав группы «ЮКОС». Ваш коллега в компании «Valmet», мистер Ян Гарднер, является директором компании, тоже является конечным собственником и бенефициарием компании «Sun Limited». Вот что их интересовало на самом деле, эмиссия новых акций компании «Юганскнефтегаз», которая в итоге не состоялась. В принципе, если любой, в том числе, и они, захотели покупать, если бы состоялась эмиссия акций «Юганскнефтегаза», почему бы и нет? Но она не состоялась. Поэтому здесь, скажем так, задать во что бы то ни было свои вопросы, зачем они их задавали, с другой стороны, сейчас мы пройдемся по пунктам, на какой я точно знаю ответ. Пункт восьмой. Читаю, Ваша честь, по переводу, хотя в английском не совсем так. «Совместными владельцами компании «YUKOS Brokerage Limited» (в пункте 2), в которой Вы занимаете пост директора, являются компании «Jurbie Lake» и «YUKOS UK Limited». Это ложь. Компания «YUKOS Brokerage Limited» всегда на сто процентов принадлежала компании «YUKOS UK Limited», это стопроцентная «внучка» «ЮКОСа» или стопроцентная «дочка» компании «YUKOS UK Limited». Дальше он задает вопрос: «Просим указать, кто из бенефициаров компании «ЮКОС» являются конечными собственниками, бенефициариями компании «YUKOS UK Limited». Однозначный ответ я знаю, Ваша честь. Стопроцентным владельцем, то есть бенефициарием компании «YUKOS UK Limited» была «Нефтяная компания «ЮКОС». Это прямо следуют из материалов дела. Поэтому, когда я говорю, я могу, конечно, каждый вопросик перепроверять, да, чего врал эти так называемые детективы, их же задача была не в том, чтобы получить информацию, а для того, чтобы кого-то попугать и собрать информацию ту, которую нужно отнести своему клиенту, «Westdeutsche Landesbank», все. А самые смешные утверждения, Ваша честь, «НК «ЮКОС» продает и экспортирует нефть дочерним компаниям компании «Jurbie Lake». Туда они записали компании «South Petroleum Limited» и «Baltic Petroleum Limited». Вполне возможно. «Прибыли и дивиденды, получаемые от продаж у этих двух дочерних компаний, поступают в компанию «Jurbie Lake» и ее акционерам». Это ради Бога. А дальше по тексту: «Будучи директором компании «Jurbie Lake», как Вы собираетесь сократить риски, которые могут возникнуть в том случае если ЦБ России,

Минтопэнерго и налоговые органы узнают о действиях данной структуры и поступлениях дивидендов?» Ваша честь, им абсолютно на это наплевать. Точно так же, как «Total International» купило нефть в России, кому оно продало, сколько оно заработало, абсолютно наплевать Центральному Банку Российской Федерации, Минтопэнерго и налоговым органам. «Elf Trading» – все то же самое, купили здесь, в России, кому они дальше продали, сколько заработали, может быть, даже потеряли, это их личное дело. Далее, действительно есть информация, и это я могу, Ваша честь, подтвердить, что банк «Менатеп Москва» владел 20% минус 1 акция группы «Valmet». В ходе конкурсного производства 20% минус 1 акция, этот пакет группы «Valmet», группа «Valmet» выкупила в ходе конкурсного производства. В общем, Ваша честь, история закончилась достаточно легко, Питер Бонд с коллегами заработали 20 000 долларов, он был очень счастлив на эту тему, никаких дел и судебных разбирательств, в общем-то, этой бумаги не было. Не думаю, что это понравилось «Westdeutsche Landesbank», поскольку или «West Merchant Bank», поскольку кто-то должен был «Maxima» эти расходы понесенные компенсировать. Судом объявляется перерыв.

14 часов 20 минут – судебное заседание продолжено.

Секретарь судебного заседания докладывает о явке вызванных в суд лиц.

Подсудимый Ходорковский М.Б.: – доставлен.

Подсудимый Лебедев П.Л. – доставлен.

Защитник Дятлев Д.М. – не явился.

Защитник Клювгант В.В. – не явился.

Защитник Левина Е.Л. – не явилась.

Защитник Москаленко К.А. – не явилась.

Защитник Терехова Н.Ю. – явилась.

Защитник Лукьянова Е.А. – не явилась.

Защитник Грузд Б.Б. – не явился.

Защитник Шмидт Ю.М. – не явился.

Защитник Сайкин Л.Р. – не явился.

Защитник Краснов В.Н. – явился.

Защитник Купрейченко С.В. – явился.

Защитник Липцер Е.Л. – явилась.

Защитник Мирошниченко А.Е. – не явился.

Защитник Ривкин К.Е. – явился.

Защитник Сапожков И.Ю. – не явился.

Государственный обвинитель Шохин Д.Э. – явился.

Государственный обвинитель Лахтин В.А. – явился.

Государственный обвинитель Ковалихина В.М. – не явилась.

Государственный обвинитель Ибрагимов Г.Б. – не явилась.

Государственный обвинитель Смирнов В.Н. – явился.

Потерпевший Белокрылов В.С. – не явился.

Потерпевший Демченко В.М. – не явился.

Представитель потерпевшего Гришина Т.Ю. – представитель Федерального Агентства по управлению государственным имуществом – не явилась.

Представитель потерпевшего Щербакова И.Л. – представитель Федерального Агентства по управлению государственным имуществом – не явилась.

Представитель потерпевшего Петрова И.Е. – представитель Федерального Агентства по управлению государственным имуществом – не явилась.

Представитель потерпевшего Ларионов Р.А. – представитель Федерального Агентства по управлению государственным имуществом – не явился.

Представитель потерпевшего Чернега Д.С. – представитель Федерального Агентства по управлению государственным имуществом – не явился.

Представитель потерпевшего Курдюкова Н.А. – представитель Федерального Агентства по управлению государственным имуществом – не явился.

Представитель потерпевшего Узалов И. – представитель Компании «Sandheights Ltd» – не явился.

Представитель потерпевшего Пятикопов А.В. – представитель ОАО НК «Роснефть», ОАО «Томскнефть» – не явился.

Свидетели не явились.

Участники процесса надлежащим образом уведомлены о месте и времени проведения судебного заседания, суд не располагает сведениями о причинах их неявки.

Судом ставится вопрос о возможности продолжить судебное заседание при данной явке.

Подсудимый Ходорковский М.Б.: не возражаю.

Подсудимый Лебедев П.Л.: не возражаю.

Защитник Терехова Н.Ю.: не возражаю.

Защитник Краснов В.Н.: не возражаю.

Защитник Купрейченко С.В.: не возражаю.

Защитник Липцер Е.Л.: не возражаю.

Защитник Ривкин К.Е.: не возражаю.

Государственный обвинитель Шохин Д.Э.: не возражаю.

Государственный обвинитель Лахтин В.А.: не возражаю.

Государственный обвинитель Смирнов В.Н.: не возражаю.

Суд,

Постановил:

Продолжить судебное заседание при данной явке.

Подсудимый Лебедев П.Л.: Ваша честь, чтобы завершить тему, связанную с вопросами прокурора Лахтина по поводу взаимоотношений между «West Merchant Bank» и их агентами, я на что хочу обратить внимание. Я хочу, Ваша честь, чтобы Вы правильно поняли, что в мире бизнеса, особенно в мире большого бизнеса случается все. Поэтому для того, чтобы мы могли нормально взаимодействовать со своими контрагентами на рынке, у которых появляются к нам те или иные вопросы, мы всегда открыты для объяснения им любых вопросов, в том числе, поскольку деятельность «Group Menater Limited» была международной, мы работали, в общем-то, на всех континентах, в Северной, Южной Америке, Европе, в Австралии, немножко в Юго-восточной Азии и так далее, для этих целей у нас был создан специальный международный консультативный совет. Люди, которые входили в этот международный консультативный совет, каждый из них в отдельности очень четко представлял, какие риски существуют в мире в сфере большого бизнеса и помогали нам или мы вместе с ними занимались решением всех тех вопросов, в том числе и проблем, связанных, аналогичных с «West Merchant Bank» и с «Westdeutsche Landesbank». Каждый из этих лиц, Ваша честь, я почему, например, сказал Отто Ламбсдорфе? Это бывший министр экономики Германии, бывший член германского бундестага. Он великолепно знает все, если так можно сказать, нравы немецкого национального бизнеса, поэтому с его помощью решать вопросы в Германии, например, было достаточно легко. Точно так же, как и легко было мне решать вопросы, например, на территории Великобритании, Фишборн, помимо того, что он был бывший член британского парламента, он много лет был редактором журнала «The Economist», одного из ведущих изданий в мире в этой сфере, в том числе и в части информации. Никаких больших проблем не возникает. На территории Соединенных Штатов Америки господин бывший посол США в ЕС, бывший замминистра торговли США, бывший заместитель госсекретаря, бывший замминистра финансов США, тоже как бы человек сведущий во всех проблемах, когда пришли мы на территорию Соединенных Штатов Америки, а при бывшем члене европейской комиссии по внешнему рынку, бывший министр обороны Нидерландов, бывший министр внешней торговли Нидерландов, в общем-то, тоже разбирается в проблематике стран, которые на континентальной части севера Европы работают. Поэтому, скажем так, понимая природу конфликтов, а я именно с этого, Ваша честь, и начал свое выступление в суде, я понимаю природу многих конфликтов, особенно в сфере бизнеса, в основном связаны с недопониманием. С определенным элементом

недоверия. Как только люди получают информацию, даже больше, чем им надо, им всегда достаточно, больше им не надо. В итоге, я к чему веду, ситуация с «West Merchant Bank» была урегулирована в итоге цивилизовано. В 2000 или даже, наверное, в 2001 году, как я уже сказал, мы у «Westdeutsche Landesbank», у его российского подразделения «Westdeutsche Landesbank» в Москве выкупили те права требования, которые они даже испугались заявить в ходе конкурсного производства, «Westdeutsche Landesbank» московский. У них остался вексель банка «Менатеп», мы его выкупили, заплатили им миллион долларов. В общем, они в этом смысле счастливы. Я слушаю другие вопросы.

Государственный обвинитель Лахтин В.А.: почему именно Вы занимались проблемой реструктуризации кредитов, выданных банку «Менатеп» другими банками, зарубежными банками? Вам кто-то поручал это? Это входило в Вашу компетенцию? Как Вы можете это объяснить? Почему при ведении переговоров действовали и от имени этих организаций, то есть от имени банка и «Менатеп», и от ОАО «НК «ЮКОС»?

Подсудимый Лебедев П.Л.: Ваша честь, в томе 34 посмотрите, пожалуйста, внимательно, находится один из образцов доверенности, которые я имел. Это доверенность «Доверительного и инвестиционного банка». Она адресована всем иностранным кредиторам банка «Менатеп» и касалась реструктуризации задолженности банка «Менатеп». «Уважаемые господа, настоящим письмом акционерный коммерческий банк «Доверительный и инвестиционный банк» уведомляет о своей заинтересованности в участии в процессе реструктуризации не обеспеченных обязательств банка «Менатеп» перед иностранными кредиторами в соответствии с предложенной Вам схемой реструктуризации. Господин Лебедев уполномочен нами вести переговоры о реструктуризации, наделен всеми необходимыми полномочиями от имени «Доверительного и инвестиционного банка». Подпись председателя правления, главного бухгалтера банка. Как я уже сказал, Ваша честь, у меня такого рода доверенностей было около двухсот штук, почти от всех российских и иностранных кредиторов банка «Менатеп». Почему они мне доверяли, я попробовал объяснить – до 1995 года именно я был президентом банка «Менатеп», и у нас со многими из этих клиентов банка «Менатеп» никогда не было никаких проблем. Почему именно они мне доверяли, мне сложно на этот вопрос ответить, это надо спрашивать у них. В общем, почему-то доверяли. Теперь, чтобы было понятно, почему именно я, Ваша честь, за это взялся. Меня об этом все те, кто мне выдавал доверенности, просили, я с их предложением согласился. Теперь моральный аспект поясню. Ваша честь, мне защита подсказывает, этот лист не оглашался, как ни странно, а вопросы задают, на основании каких полномочий я действовал. Поэтому прошу считать его оглашенным. Теперь поясню, Ваша честь, небольшой моральный аспект. В общем-то, это и Михаил Борисович знает. Я в банк «Менатеп» пришел работать, тогда он назывался «Коммерческий инновационный банк научно-технического прогресса», в 1990 году, это еще Советский Союз. Ушел я из банка «Менатеп», как я уже сказал, в декабре 1995 года, с поста президента банка, и, в принципе, я уже собирался из банка «Менатеп» уходить. Мы договорились с Михаилом Борисовичем, что я несколько месяцев помогу господину Монахову и господину Зурабову, это новым руководителям банка «Менатеп», войти в курс дела, и спокойно, цивилизованно передать им систему управления банком. В начале 1996 года я вообще ушел из банка «Менатеп», я там не работал. До этого времени, Ваша честь, я считал банк «Менатеп» в какой-то части, если так можно выразиться лирично, своим ребенком. Когда я уходил из банка «Менатеп», это конец 1995, начало 1996 года, Ваша честь, это был, если найти какую-нибудь аналогию, это был «Мерседес». Банк, который создавался в конце восьмидесятых годов, он был зарегистрирован Госбанком СССР в 1988 году, уже к 1995 году научился зарабатывать, Ваша честь, на что я обращаю внимание, миллиард долларов за год. Естественно, что когда в 1999 году у банка возникли проблемы после дефолта, один из вопросов, кто этим будет заниматься, урегулированием проблем, в какой-то степени он был решен, я бы сказал, достаточно быстро и достаточно сразу. Как ни странно, ко мне обратились приблизительно в одно и то же время за помощью почти все и иностранные кредиторы, и российские кредиторы с

просьбой, могу ли я чем-либо помочь им с той проблемой, которая возникла у банка «Менатеп». Я согласился. Плюс, Ваша честь, и еще из других критериев – я был акционером банка «Менатеп» лично, несмотря на небольшой пакет. И у меня была определенная, в кавычки возьмем, «наглая» уверенность, что именно у меня получится лучше, чем у многих, поскольку к тому моменту, все-таки, испугавшийся состав менеджмента банка «Менатеп» практически разбежался. Далее, Ваша честь. В том же томе 34, если не оглашалось, прошу считать оглашенным, листы дела 115-116. Это перевод письма «Bank of New York» от 14 июля 1999 года господину Лебедеву, представителю акционеров банка «Менатеп», Москва, Россия. Ваша честь, единственное, этот пример приведу, он, в общем-то, однотипный для всех иностранных кредиторов банка «Менатеп». Это уведомление «Bank of New York» и банка от 14 июля 1999 года о том, что они согласны с теми условиями реструктуризации обязательств банка «Менатеп», которые я им предложил. «Уважаемый господин Лебедев, все вышеупомянутое касается обязательств банка «Менатеп» перед «Bank of New York» по двум торговым сделкам». Здесь далее речь идет, они информируют меня о наименовании конкретных сделок, сумм обязательств, указывают о том, что помимо них в одном из обязательств принимает участие банк, приводится перечень требований, общая сумма требований приводится перед «Bank of New York» и банком по аккредитивам – 6 941 000 долларов, это я округляю, Ваша честь, и сумма требований банка по аккредитивам – 2 879 000 долларов. И дальше идет их согласие на условия реструктуризации. Ваша честь, они все идентичны для всех иностранных кредиторов. «Bank of New York» в соответствии с требованием, указанным выше, и банка, в соответствии с требованиями банка, которые также указаны выше, настоящим принимают условия реструктуризации, перечисленные в факсе от 29 июля 1999 года, включающие следующие условия. Передача прав требования к банку «Менатеп» «НК «ЮКОС», 5% от общей суммы требований выплачивается сразу, в долларах, 100% от общей суммы требований пересчитывается по курсу 24 рубля 86 копеек за доллар и является беспроцентным обязательством «НК «ЮКОС», а затем выплачивается по схеме 5 плюс 2 года, 5 лет – льготный период, исчисляющийся с 17 августа 1998 года, следующие 2 года, начиная с 2003 года, ежемесячные выплаты до погашения долга в 2005 году. Возможность использования двух вариантов выбора поименована как этап два и этап три. Я обращаю внимание, что «Bank of New York» и банк на условиях, законодательство Великобритании и так далее. С чем это, Ваша честь, было связано? 96 лист в 34 томе. Здесь, Ваша честь, находится мое обращение к иностранным кредиторам банка «Менатеп» от 21 июня 1999 года, адресовано «Синдикат Банк», Лондон. Точно так же касается реструктуризации обязательств банка «Менатеп». «Как Вам известно, 18 мая 1999 года Центральный банк Российской Федерации отозвал лицензию у банка «Менатеп», в соответствии с российским законодательством, все обязательства банка «Менатеп», начиная с 18 мая 1999 года. Практически это означает, что все кредиторы банка «Менатеп» могут рассчитывать при банкротстве банка «Менатеп» на получение исключительно рублевого возмещения при условии достаточного. Рублевое возмещение выплачивается в рублях по курсу 24 рубля 86 копеек за доллар США. Учитывая вышеуказанное ограничение, «ЮКОС» не сможет обосновать международным кредиторам и акционерам приобретение каких-либо рублевых прав требований за доллары США. Более того, любая попытка осуществить такое приобретение может быть заблокирована кредиторами «ЮКОСа». Я это знаю, поскольку я вел одновременно переговоры со всеми кредиторами «ЮКОСа», Ваша честь, в этот период, а к ним относились практически все ведущие международные институты, начиная от Всемирного банка и Международного банка реконструкции и развития, которые предоставили дочерним добывающим обществам «ЮКОСа» займы на так называемые «реабилитационные займы» в середине девяностых годов, тот же самый синдикат, о котором я говорил, «Credit Lyonnais», «Merrill Lynch» и «Goldman Sachs», Экспортно-импортный банк США и Европейский банк реконструкции и развития, со всеми с ними я провел переговоры по реструктуризации обязательств, которые касались компании

«ЮКОС» в 1999 году, достаточно. Кроме того, учитывая существующие финансовые обязательства «ЮКОСа» перед иностранными кредиторами и нестабильная динамика цен на нефть, «ЮКОС» не смог приступить к расчетам по нормам дополнительных обязательств ранее, чем во второй половине 2003 года. Следует заметить, что для осуществления операций по приобретению прав требований к банку «Менатеп» «ЮКОС» может потребоваться у Центрального банка. Этот вопрос в настоящее время уточняется, однако в любом случае при заключении сделок и расчетов «ЮКОСа» и иностранными кредиторами банка «Менатеп» планируется в части «Доверительного и инвестиционного банка», который в настоящее время обслуживает финансовые потоки «ЮКОСа». Здесь ошибка. Участие «ДИБа» позволит сделать юридическую схему сделки более гибкой, диверсифицировать риски иностранных кредиторов, и позволит сделать в долларах США в качестве части вознаграждения за приобретение прав требований. Напомню, «Доверительный и инвестиционный банк», это банк к тому моменту имел генеральную лицензию Центрального банка от «Нефтяной компании «ЮКОС» и мог совершать те сделки, которые не позволяла сделать, в отличие от банков, которые имели генеральную лицензию. Мы рассматривали две альтернативы юридической схемы синдиката, в первом случае «ЮКОС» по договору приобретения прав требования, смотри прилагаемый, во втором случае приобретают права требования на основе поручительства «ЮКОСа» и далее переводят эти платежные обязательства. После приобретения «ЮКОСом» и «ДИБом» прав требования, можно обсуждать возможность, на что обращаю внимание, дальнейших операций реструктуризации вновь образованного, «ЮКОС» и «ДИБа», например, обмен на иные долговые ценные бумаги и другие, что в итоге и произошло. Те права требований к банку «Менатеп», который выкупила сначала «Нефтяная компания «ЮКОС», да, иностранные кредиторы получили соответствующие права требований к «ЮКОСу». Да, и права требования к «ЮКОСу» выкупил у иностранных кредиторов и обменял на акции «ЮКОСа», а потом выкупил у них обратно акции «ЮКОСа», в результате они получили стопроцентное возмещение своих, подчеркиваю, Ваша честь, требований к банку «Менатеп» в долларах США. И дальше речь идет, «я понимаю, что у Вас есть множество вопросов относительно обсуждаемой темы, надеюсь, что наша встреча в Лондоне позволит дать ответы на большинство вопросов, понимание ситуации и проблемы с ходом принятия решений по реструктуризации от имени акционеров банка «Менатеп». Ваша честь, если Вы откроете мой паспорт заграничный, там как раз отметки о том, что через несколько дней после этого письма я находился в Лондоне, где я часто встречался с кредиторами банка «Менатеп», это около 20 банков синдиката, и с другими иностранными банками, которые в этот синдикат не входили. Почему я останавливаюсь именно на этих кратких, Ваша честь, примерах, здесь изложены подходы, которые после отзыва лицензии у банка «Менатеп» в мае 1999 года, я в июне предложил иностранным кредиторам, и практически существенная основная масса иностранных кредиторов в июне, в июле 1999 года с этими подходами согласилась. Таким образом, резюмирую, Ваша честь. Несмотря на то, что я набрался, вполне возможно, как считают оппоненты, наглости в 1999 году, согласившись взять на себя обязательства по реструктуризации обязательств банка «Менатеп», я считаю, что к началу 2001 года я с задачей справился, все обязательства банка «Менатеп» были мною выкуплены. Никого из кредиторов, в том числе иностранных кредиторов банка «Менатеп» не осталось ни одного, все права требований к банку «Менатеп» оказались у меня. Следующий вопрос.

Государственный обвинитель Лахтин В.А.: прошу представить подсудимому Лебедеву П.Л. том 22 л.д. 55-56 копию проекта предложения. Это проект предложения по условиям участия в сделке приобретения акций «ВНК», и имеется виза Платона Леонидовича Лебедева Голубовичу. Документ ранее исследован, там виза такого плана: «С принципами согласен, с оценками и пропорциями не очень, но это больше вопрос политический, то есть МБХ». И дата, соответственно, 13 ноября 1997 года.

Подсудимый Ходорковский М.Б.: не возражаю.

Подсудимый Лебедев П.Л.: не возражаю.

Защитник Терехова Н.Ю.: не возражаю.
 Защитник Краснов В.Н.: не возражаю.
 Защитник Купрейченко С.В.: не возражаю.
 Защитник Липцер Е.Л.: не возражаю.
 Защитник Ривкин К.Е.: не возражаю.
 Государственный обвинитель Шохин Д.Э.: не возражаю.
 Государственный обвинитель Лахтин В.А.: не возражаю.
 Государственный обвинитель Смирнов В.Н.: не возражаю.

Суд,

Постановил:

Ходатайство государственного обвинителя Лахтина В.А. удовлетворить, представить подсудимому Лебедеву П.Л. для обозрения том 22 л.д. 55-56 копию проекта предложения.

Подсудимый Лебедев П.Л. обозревает том 22 л.д. 55-56 копию проекта предложения.

Государственный обвинитель Лахтин В.А.: Вы можете что-нибудь пояснить либо добавить в свои пояснения к этому документу? Который, как Вы ранее говорили, знаком Вам этот документ, соответственно, как Вы пояснили, исполняли Вы эту визу.

Подсудимый Лебедев П.Л.: Ваша честь, это, во-первых, неправда, мне этот документ никто не предъявлял, поэтому я его и комментировать не мог, и не мог ранее говорить...

Государственный обвинитель Лахтин В.А.: знаком тогда Вам этот документ?

Подсудимый Лебедев П.Л.: мне этот документ, естественно, знаком. Вернее, в таком виде не знаком, поскольку это ксерокопия.

Государственный обвинитель Лахтин В.А.: содержание документа знакомо Вам?

Подсудимый Лебедев П.Л.: безусловно.

Государственный обвинитель Лахтин В.А.: Вы ставили визу на документе именно с таким содержанием?

Подсудимый Лебедев П.Л.: безусловно. Даже поясню еще раз, чтобы было понятно.

Именно я занимался получением финансирования для «Нефтяной компании «ЮКОС» у синдиката банков, еще раз повторяю, «Credit Lyonnais», «Merrill Lynch» и «Goldman Sachs». Для этих целей я специально был во Франции и Великобритании. Где мы там с этими иностранными банками, с их представителями мы договаривались об условиях предоставления займов «Нефтяной компании «ЮКОС». Как я уже сказал, Ваша честь, мы договорились о кредитной линии на 800 миллионов долларов, из которой мы выбрали, то есть «Нефтяная компания «ЮКОС», 500 миллионов долларов под обеспечение поставок нефти на экспорт, то есть под залог экспортной выручки.

Государственный обвинитель Лахтин В.А.: то есть принимали активное участие?

Подсудимый Лебедев П.Л.: личное и непосредственное. Я вместе с Михаилом Борисовичем Ходорковским, мы занимались тем, чтобы помочь Российской Федерации, я даже Вам еще один секрет раскрою, первый раз меня Михаил Борисович отправил поговорить с высокопоставленными руководителями в правительстве Российской Федерации. Им очень были нужны деньги в 4 квартале 1997 года, поскольку в бюджете денег не было совсем. Поэтому они мне желали всяческой удачи, в том числе на переговорах с международным синдикатом банков. Бюджету Российской Федерации, для того чтобы закрыть все минимальные проблемы, в том числе оплату, связанную с критическим импортом, в том числе для военных нужд, нужно было порядка полутора миллиардов долларов. И 4 квартал 1997 года, миллиард 200, Лебедев Платон Леонидович принимал активное участие, эти деньги попали в бюджет Российской Федерации, в том числе в результате проведения конкурса по «Восточной нефтяной компании».

Государственный обвинитель Лахтин В.А.: а Михаил Борисович Ходорковский занимался политическими вопросами. Расшифруйте, пожалуйста, какими политическими вопросами он занимался? Решение, каких политических вопросов в этой части отводилось Ходорковскому?

Подсудимый Лебедев П.Л.: там вверху написано. Алексей Дмитриевич Голубович делал свои предварительные, скажем так, оценки, если Вы понимаете смысл письма.

Государственный обвинитель Лахтин В.А.: я от Вас хочу Ваше понимание.

Подсудимый Лебедев П.Л.: там написано мое понимание, что с оценками и пропорциями, которые он привел в своем письме, это так, Ваша честь, предположительные оценки, написанные и мною подписанные, я не очень согласен. И в части этих оценок, да, что это вопрос больше политический, поскольку речь идет на тот момент об оценочной стоимости акций «ЮКОСа», об оценочной стоимости акций «ВНК», об объеме финансирования, которое необходимо «Нефтяной компании «ЮКОС» для привлечения финансирования, а также для последующих транзакций, связанных с обменом этих акций. Поэтому, поскольку Алексей Дмитриевич это делал быстро, экспертным, скажем так, макросчетом, но у меня есть свои, как я полагаю, небольшие экспертные возможности точно так же оценивать оценки иных экспертов, почему я ему писал, что с оценками и пропорциями не очень, но это больше вопрос политический, потому что поскольку основной вопрос с точки зрения приобретения «ВНК», «Восточной нефтяной компании», участия в конкурсе, он не стоял, мы приняли решение там участвовать, да, и выигрывать, Ваша честь, вот этот аукцион, который проходил по «Восточной нефтяной компании». Для этого необходима была элементарная вещь – деньги. Все, получили деньги, пошли на аукцион, купили акции, если уж совсем примитивно говорить, деньги пошли в бюджет, в итоге нам достались акции «Восточной нефтяной компании», в 2003 году аж до 100% акций стало принадлежать «Нефтяной компании «ЮКОС». Все, а здесь часть опасений Алексея Дмитриевича еще связана как раз со сроками, обратите внимание, там написана дата – 05 декабря 1998 года.

Государственный обвинитель Лахтин В.А.: тогда с учетом Ваших показаний о Вашем активном участии в приобретении акций «ВНК», как тогда расценивать Ваш...

Подсудимый Лебедев П.Л.: только не забываете, «Нефтяной компанией «ЮКОС», а не мной, Вы каждый раз вопросы не умеете задавать, Вы меня путаете с юридическими лицами.

Государственный обвинитель Лахтин В.А.: нет, я акцентирую внимание на Ваше личное участие в этом процессе.

Подсудимый Лебедев П.Л.: напоминаю, Ваша честь, чтобы не было никаких вопросов. Я в показаниях ответил, что я был заместителем председателя объединенного правления исполнительного органа, которым являлась для «Нефтяной компании «ЮКОС» компания «Роспром». Это входило в мои прямые и непосредственные обязанности. И я полагал, что за меня мою работу делать в «Нефтяной компании «ЮКОС» никто не будет. Поэтому, к сожалению, пришлось это делать самому.

Государственный обвинитель Лахтин В.А.: но, так или иначе, Вы были причастны и принимали активное участие в реализации вопроса...

Подсудимый Лебедев П.Л.: самое активное участие по приобретению компанией «ЮКОС» «Восточной нефтяной компании».

Государственный обвинитель Лахтин В.А.: тогда в таком случае как расценивать Ваши показания в данном судебном заседании о том, что Вы не были в курсе заключения и реализации договоров о мене акций дочерних компаний «ВНК» на акции ОАО «НК «ЮКОС»? Вы же сказали, что Вам ничего не известно по поводу первого эпизода обвинения в части заключения договоров, оформления, переговоров и оценки акций?

Подсудимый Лебедев П.Л.: разъясняю. Ваша честь, здесь речь идет о 13 ноября 1997 года. Предметом являются акции «Восточной нефтяной компании». Почему я не был в курсе сделок ноября 1998 года? По очень простой причине. Я в «Восточной нефтяной компании» в ноябре 1998 года не работал и не имел к ней никакого отношения. Сделки, которые осуществлялись в ноябре 1998 года – это сделки мены акций «ЮКОСа» на акции «Томскнефти» и других дочерних предприятий «Восточной нефтяной компании». Которые совершала, подчеркиваю, «Восточная нефтяная компания». А я в ноябре, подчеркиваю, 1997 года, занимался акциями или, вернее, организацией, покупкой акций, «Нефтяной компанией «ЮКОС» акций «Восточной нефтяной компании». Таким образом, акции «Восточной нефтяной компании» – это один вид ценной бумаги, акции

«Томскнефти» – это иной вид ценной бумаги. Акции «Томскнефтегеофизики» и других эмитентов, которые там перечислены, не имеют никакого отношения к акциям «Восточной нефтяной компании». У них разные периоды, у этих сделок, разный смысл, Ваша честь, разная экономическая и юридическая структура совершения этих сделок, здесь продажа государством принадлежащего ему пакета акций «Восточной нефтяной компании», а там всего лишь сделки мены.

Государственный обвинитель Лахтин В.А.: а почему тогда Михаил Борисович Ходорковский не поставил Вас в известность по поводу этой проблемы?

Вопрос снят.

Государственный обвинитель Лахтин В.А.: прошу представить подсудимому Лебедеву П.Л. том 132 л.д. 246 копию электронного сообщения от 09 декабря 1998 года.

Подсудимый Ходорковский М.Б.: не возражаю.

Подсудимый Лебедев П.Л.: не возражаю.

Защитник Терехова Н.Ю.: не возражаю.

Защитник Краснов В.Н.: не возражаю.

Защитник Купрейченко С.В.: не возражаю.

Защитник Липцер Е.Л.: не возражаю.

Защитник Ривкин К.Е.: не возражаю.

Государственный обвинитель Шохин Д.Э.: не возражаю.

Государственный обвинитель Лахтин В.А.: не возражаю.

Государственный обвинитель Смирнов В.Н.: не возражаю.

Суд,

Постановил:

Ходатайство государственного обвинителя Лахтина В.А. удовлетворить, представить подсудимому Лебедеву П.Л. для обозрения том 132 л.д. 246 копию электронного сообщения от 09 декабря 1998 года.

Подсудимый Лебедев П.Л. обозревает том 132 л.д. 246 копию электронного сообщения от 09 декабря 1998 года.

Государственный обвинитель Лахтин В.А.: изъятие там произошло в ходе обыска 16 февраля 2004 года, чтобы было понятно, значит, и речь идет о проекте «Томск», и обсуждение проекта «Томск», состоявшегося у Лебедева в группе. Значит, что Вы можете прокомментировать по поводу содержания этого документа? Известен ли Вам, соответственно, Прокофьев, про Голубовича понятно, что он Вам известно, какую роль в обсуждении это проекта ему отводилась Прокофьевым? И что такое «система двойного ключа»? Означает ли это одновременно согласие Ходорковского и Лебедева в решении каких-то вопросов? Прокомментируйте данный документ, содержание его, данного письма.

Подсудимый Лебедев П.Л.: я к составлению этого документа не имею никакого отношения. Как, я надеюсь, понял сам прокурор Лахтин, что это господин Прокофьев написал господину Голубовичу.

Государственный обвинитель Лахтин В.А.: а в совещании, в обсуждении проекта «Томск» Вы участвовали? Здесь так указано, что «вчера состоялось совещание по проекту, обсуждению проекта «Томск» у Лебедева в группе».

Подсудимый Лебедев П.Л.: попробую пояснить, о чем могла идти речь в записке Прокофьева Голубовичу. Обратите внимание, пожалуйста, на период – декабрь 1998 года. В декабре 1998 года я стал директором «Group Menater Limited», раз, директором «YUKOS Universal Limited», два, и в декабре 1998 года наша стопроцентно подконтрольная «Group Menater Limited» компания «Hulley Enterprises Limited» получила разрешение Антимонопольного комитета на покупку акций «ЮКОСа», три. В совещании, это я не готов, поскольку я не Прокофьев, комментировать в точности, что он имел в виду, как я понимаю, Ваша честь, это мое понимание, речь шла о следующем. В декабре 1998 года одновременно директором «Group Menater Limited» и стал Михаил Борисович Ходорковский. Таким образом, мы с ним были два лица, которые были директорами

«Group Menatep Limited». Поэтому система «двойного ключа», о которой пишет господин Прокофьев, как я полагаю, а это, наверное, соответствует действительно, речь шла о том, что любые сделки, затрагивающие контрольный пакет акций «ЮКОСа», должны согласовываться как с Лебедевым Платоном Леонидовичем, так и с Ходорковским Михаилом Борисовичем, что в действительности и происходило. Теперь что касается проекта «Томск», как здесь выразился господин Прокофьев. Еще раз попробую. Ваша честь, «Восточная нефтяная компания», о которой мы только что разговаривали, находится в городе Томске. Это известный юридический факт, это указано в его уставе и так далее. Напоминаю, Ваша честь, что для приобретения «Восточной нефтяной компании» «Group Menatep Limited» дала банку «Менатеп» около 30% акций «ЮКОСа». Судьба этих 30% акций «ЮКОСа», я округляю, Ваша честь, там чуть поменьше, меня как директора «Group Menatep Limited» и как, особенно подчеркиваю, директора компании «YUKOS Universal Limited», которая отвечала за контрольный пакет акций «ЮКОСа», очень сильно волновала, это очень большой пакет около 30%. Поэтому любые вопросы, риски, связанные с акциями «ЮКОСа», с любыми формами обременения, с любыми формами их объединения, вообще любые риски, связанные с акциями «ЮКОСа» на рынке, которые существовали на тот момент, мне должны были быть известны, я их должен был все отстраховать. Если у меня возникали какие-либо вопросы или сомнения, я имел право изменить, и совершать любые сделки с этими акциями в интересах «Group Menatep Limited» так, как я, как директор «Group Menatep Limited», сочту нужным, поскольку иных не было. А, в том числе Михаил Борисович Ходорковский. Поскольку я не знаю вообще, какую переписку ведут люди, они меня со своей перепиской не знакомят, я полагаю, что это даже написано: «В этой связи Лебедев просил, чтобы все проведенные по проекту «Томск» действия были представлены для последующего одобрения на следующем заседании большого совета директоров». Таким образом, Ваша честь, речь шла о том, что я должен был быть проинформирован по всем сделкам, которые совершались с акциями «ЮКОСа», в том числе, Ваша честь, подчеркиваю, и по «Восточной нефтяной компании». Точнее, не по «Восточной нефтяной компании», а по использованию акций «ЮКОСа» в покупке «Нефтяной компанией «ЮКОС» этого пакета в декабре 1997 года. В итоге, Ваша честь, как теперь известно, акции «Восточной нефтяной компании» стали принадлежать «ЮКОСу», а эти акции «ЮКОСа», о которых я беспокоился, стали принадлежать «Group Menatep Limited».

Государственный обвинитель Лахтин В.А.: понятно, что из Ваших показаний следует, что окончательные вопросы по всем стратегическим финансовым вопросам, они принимались и Вами, и непосредственно Ходорковским. Вы были ответственный и очень ответственно к этому относились. И, в частности, как это согласуется с Вашими показаниями о том, что Вы интересовались рисками, и, значит, как это согласуется с Вашими данными сегодня показаниями, и данными ранее показаниями, и с теми показаниями, что о сделках мены Вы узнали только в 2000 году?

Государственный обвинитель Лахтин В.А.: Вы упомянули здесь о рисках, претензиях компании «Birkenholz». Они как-то относились к теме рисков?

Подсудимый Лебедев П.Л.: Ваша честь, поясню примером. Он про риски спрашивает, я почему заранее приведу пример. У «Нефтяной компании «ЮКОС» было более 2 500 АЗС и автозаправочных комплексов. Вокруг каждого из них существовали ежедневно какие-либо риски. То кто-то пытался незаконно торговать спиртным, то кто-то без разрешения на этой бензоколонке курил или продавал сигареты и так далее.

Государственный обвинитель Лахтин В.А.: меня это совершенно не интересует, меня риски...

Подсудимый Лебедев П.Л.: точно так же меня совершенно не интересует ответственность менеджмента «Нефтяной компании «ЮКОС» и совета директоров за те решения, которые они принимают, меня интересуют, как акционера «Нефтяной компании «ЮКОС», которая управляет контрольным пакетом акций в «ЮКОСе», результаты их деятельности. Поэтому до 2003 года я занимался, как акционер, следующими вопросами: одобрением

решений совета директоров или менеджмента «Нефтяной компании «ЮКОС» в той части в которой они затрагивают компетенцию и права акционеров. Это одобрение финансовых годовых отчетов, всех, включая распределение прибыли, выплату дивидендов. Это вопрос номер раз. Избрание компетентного и профессионального совета директоров «Нефтяной компании «ЮКОС», чтобы я потом знал, кому предъявлять претензии, это два. Также мы решили иные, Ваша честь, формальные вопросы, вплоть до изменений устава «Нефтяной компании «ЮКОС», например, в связи с тем, что изменилась нумерация почтовых индексов в Российской Федерации. Кстати, Ваша честь, там есть очень интересный момент, посмешу чуть-чуть. В связи с тем, что Российская Федерация поменяла нумерацию индексов почтовых, мы вынуждены были менять устав. Ваша честь, несколько акционеров, а это десятки тысяч голосов, проголосовали против изменения устава. Имеют право голосовать против, но на них в суд никто не подавал. Вот такая у нас демократия. Имели право голосовать против. Хотя, с другой, я голосовал «за», Ваша честь, потому что я понимал, что если нефтяная компания устав не поменяет с новым индексом, у нее будут большие проблемы как у юридического лица. Поэтому, отвечая на вопрос Валерия Алексеевича. В «Нефтяной компании «ЮКОС» у каждого подразделения существует своя компетенция, подчеркиваю, у каждого. И каждый в меру тех полномочий и компетенций, которая им определена «Нефтяной компанией «ЮКОС», отвечает за решение всех тех вопросов, за которые, можно так сказать, платит. Именно эти люди или лица отвечают за риски перед руководством «Нефтяной компании «ЮКОС», а руководство «Нефтяной компанией «ЮКОС» – это и совет директоров, а совет директоров вместе с менеджментом отвечает перед собранием акционеров «Нефтяной компанией «ЮКОС». Следующее. Если бы эти риски были бы существенны, я подчеркиваю, для акционеров «Нефтяной компании «ЮКОС», то этот вопрос обязательно был бы вынесен на решение собрания акционеров «Нефтяной компании «ЮКОС». Но еще раз объясняю – сделки мены осуществляла «Восточная нефтяная компания». Я к «Восточной нефтяной компании» ни к акционерам, подчеркиваю, ни к совету директоров, ни к менеджменту, ни к уборщицам, ни к секретарям не относился никоим образом. Более того, я вообще не знаю, зачем меня должна была информировать о сделках мены «Восточная нефтяная компания». Тем более, сделки не являлись даже крупными.

Государственный обвинитель Лахтин В.А.: но они были обменены на акции ОАО «НК «ЮКОС».

Подсудимый Лебедев П.Л.: да.

Государственный обвинитель Лахтин В.А.: этот объем акций ОАО «НК «ЮКОС», он относился к стратегическим активам? Вот этот массив акций «ЮКОС», который был обменен на акции дочерних компаний «ВНК»?

Подсудимый Лебедев П.Л.: я не думаю, что полуторпроцентный пакет акций «ЮКОСа» относится к стратегическим активам. Хотя, при определенных ситуациях может быть. Но поскольку этот пакет акций принадлежал иностранным компаниям, я подчеркиваю, о которых я не знаю, дело в том, что вот иностранцы – это такие вредные люди, они когда покупают, например, акции «ЮКОСа», они ко мне не приходят и не информируют, что они дальше собираются с ними делать. Обменять их на акции «Восточной нефтяной компании» или где-то продать, или еще что-то с ними сделать. Нет у меня полномочий контролировать всех иностранцев в Российской Федерации, которые по своему усмотрению распоряжаются теми акциями, которые им принадлежат. Они мне не подотчетны.

Государственный обвинитель Лахтин В.А.: том 38 л.д. 146-147. Изъятый, в ходе выемки, протокола выемки 25 декабря 2006 года, документ, распоряжение «Роспром», подписанное председателем объединенного правления «Роспром» Лебедева от 11 декабря 1997 года «Об организации работы ОАО «Восточная нефтяная компания». У меня вопрос такой: прокомментировать этот документ, и не следует ли из этого документа о том, что Вы контролировали ситуацию с активами «ВНК»? Прошу представить документ для обозрения подсудимому Лебедеву П.Л.

Подсудимый Ходорковский М.Б.: не возражаю.
Подсудимый Лебедев П.Л.: не возражаю.
Защитник Терехова Н.Ю.: не возражаю.
Защитник Краснов В.Н.: не возражаю.
Защитник Купрейченко С.В.: не возражаю.
Защитник Липцер Е.Л.: не возражаю.
Защитник Ривкин К.Е.: не возражаю.
Государственный обвинитель Шохин Д.Э.: не возражаю.
Государственный обвинитель Лахтин В.А.: не возражаю.
Государственный обвинитель Смирнов В.Н.: не возражаю.

Суд,

Постановил:

Ходатайство государственного обвинителя Лахтина В.А. удовлетворить, представить подсудимому Лебедеву П.Л. для обозрения том 38 л.д. 146-147 копию распоряжения «Роспром».

Подсудимый Лебедев П.Л. обозревает том 38 л.д. 146-147 копию распоряжения «Роспром».

Подсудимый Лебедев П.Л.: Ваша честь, я полностью подтверждаю свои показания, которые я давал в то время, когда мне защита предъявляла этот документ. Это было, если мне память не изменяет, или в понедельник, или во вторник. Ваша честь. Я обращаю Ваше внимание. Я понимаю, что речь идет о подкупе. Более того, Ваша честь, этот документ изымался не в «Русских инвесторах», а в «Русском продукте». Так, теперь по данному документу. Здесь речь идет о том, что «Нефтяная компания «ЮКОС» получила возможность управлять контрольным пакетом акций «Восточной нефтяной компании». Об активах «Восточной нефтяной компании» здесь речи не идет. Ваша честь, вынужден еще раз обратить Ваше внимание, что наши оппоненты разницы между акциями эмитента и имуществом эмитента не понимают. Это и экономически, и юридически разные институты.

Государственный обвинитель Лахтин В.А.: на л.д. 296 в томе 38 имеется служебная записка, адресованная от Голубовича к Михаилу Борисовичу Ходорковскому, касается акций «НК «ЮКОС», принадлежащих ОАО «Русские инвесторы» и их клиентам, и находящимся на балансе «ВНК». Тот же том, копия на одном листе. В принципе, знаком Вам этот документ, и поясните содержание этого документа. Прошу представить данный документ для обозрения подсудимому Лебедеву П.Л.

Подсудимый Ходорковский М.Б.: не возражаю.
Подсудимый Лебедев П.Л.: не возражаю.
Защитник Терехова Н.Ю.: не возражаю.
Защитник Краснов В.Н.: не возражаю.
Защитник Купрейченко С.В.: не возражаю.
Защитник Липцер Е.Л.: не возражаю.
Защитник Ривкин К.Е.: не возражаю.
Государственный обвинитель Шохин Д.Э.: не возражаю.
Государственный обвинитель Лахтин В.А.: не возражаю.
Государственный обвинитель Смирнов В.Н.: не возражаю.

Суд,

Постановил:

Ходатайство государственного обвинителя Лахтина В.А. удовлетворить, представить подсудимому Лебедеву П.Л. для обозрения том 38 л.д. 296 копию письма Голубовича А.

Подсудимый Лебедев П.Л. обозревает том 38 л.д. 296 копию письма Голубовича А.

Подсудимый Лебедев П.Л.: мне данный документ не знаком. Более того, он даже никем не подписан и на нем даже нет даты.

Государственный обвинитель Лахтин В.А.: потому что имел место электронный документооборот, поэтому и нет подписи. О чем и Вы, и Михаил Борисович Ходорковский достаточно подробно объяснили.

Подсудимый Лебедев П.Л.: не только дату, но время с точностью даже до секунды. Поэтому, если это электронный оборот, и это где-то изымалось, по крайней мере, где и откуда это изъято, в материалах сфабрикованного дела должно быть видно просто безукоризненно. Итак, данного письма я не видел.

Государственный обвинитель Лахтин В.А.: о содержании документа, о претензиях Дарта Вы можете что-нибудь объяснить? О претензиях Дарта непосредственно к Ходорковскому?

Подсудимый Лебедев П.Л.: о претензиях Дарта к Ходорковскому мне вообще никогда ничего не было известно, поскольку Дарт к Ходорковскому претензий никогда не предъявлял.

Государственный обвинитель Лахтин В.А.: а вообще о претензиях Дарта?

Подсудимый Лебедев П.Л.: о желаниях Дарта и его компании, которые принимали участие в капитале дочерних предприятий «Нефтяной компании «ЮКОС», мне известно. Господин Дарт хотел все пакеты акций, которые принадлежали подконтрольной ему компании, продать по максимально выгодной для него цене, что он и сделал в 4 квартале 1999 года. Поэтому в данном письме, если это на самом деле письмо было, я еще на что хочу обратить Ваше внимание, поскольку здесь вообще ничего нет. Я таких писем могу на компьютере изготавливать каждый день разного содержания. На них, Ваша честь, обращаю Ваше внимание, нет никаких отметок вообще.

Государственный обвинитель Лахтин В.А.: что ж Вы, Платон Леонидович, дальше не разъясняете суть претензий Дарта? В чем он Ходорковского обвинял?

Подсудимый Лебедев П.Л.: здесь нет даже ни штампика Генпрокуратуры, ни росписей понятых, если это где-то изымалось или исследовалось, здесь вообще ничего нет, это даже никем не заверено. Поэтому мне сложно сказать, что я должен на этот документ пояснять, но если Лахтин внимательно читает, в этом письме про Дарта, Ваша честь, оно перед Вашими глазами, вроде читаешь, вроде Дарта нет. Но Лахтин раз прочитал, и там где-то у него между строк, не знаю, где-то там Дарт возник. Где он его взял? И смотрите, дальше, где Голубович, и фамилия, Ваша честь, чуть пониже, даже подписи Карла Маркса не стоит, то есть ничего нет. Единственное, что я могу, Ваша честь, предположить, о чем идет речь. Речь идет, посмотрите, пожалуйста, «прошу Вас дать ответ в ближайшее время, так от сроков сделки зависит, что будет показано аудиторам «Русских инвесторов» на 31 декабря 2000 года». То есть, речь, скорее всего, идет о периоде, о периоде конца 2000, начала 2001 года. Никаким Дартом и пахнуть не могло. Дарт закончился, уже я Вам сказал, в 4 квартале 1999 года. Теперь про ситуацию с Дартом.

Государственный обвинитель Лахтин В.А.: вне содержания этого письма.

Подсудимый Лебедев П.Л.: вне содержания, естественно.

Государственный обвинитель Лахтин В.А.: это совершенно отдельный вопрос.

Подсудимый Лебедев П.Л.: совершенно отдельный вопрос, поясняю...

Государственный обвинитель Лахтин В.А.: почему Вы его связали с этим письмом, непонятно. Вы можете что-нибудь объяснить по поводу претензий Дарта?

Подсудимый Лебедев П.Л.: по поводу «Дарт Менеджмент» и компаний, которые были подконтрольны этой структуре. И в целях бизнеса господина Дарта. Я хочу пояснить, что я встречался лично непосредственно с двумя представителями структур, контролируемых Дартом, это президентом «Дарт Менеджмент», господином Майклом Хантером, и еще одним менеджером, честно говоря, даже не помню, из какой уже структуры, но тоже какой-то из структуры Дарта, где мы как по прошествии некоторого времени, после того, как уже было заключено мировое соглашение, в рамках которого «Нефтяная компания «ЮКОС» выкупила у структур Дарта все пакеты акций в дочерних предприятиях «ЮКОСа», где структуры Дарта имели долю по 15-20 процентов, я сейчас на память уже не помню, где-то 15-20%. Это, Ваша честь, соглашение было подписано где-то в ноябре-

декабре 1999 года. Я от Мишеля Сублена знаю, что они, когда вели переговоры в Лондоне с представителями Дарта, в том числе, и с Майклом Хантером пытались сделать мне подарок к 29 ноября 1999 года. Поэтому эта сделка должна была закрыться или 29 ноября или вокруг этой даты или чуть раньше, или чуть позже. В итоге, Ваша честь, соответствующие стороны соглашения никаких претензий, стороны договорились более не предъявлять по всем тем вопросам, в том числе, которые иногда доходили до корпоративных конфликтов, ранее, в 1998 году и так далее, со своей стороны я могу подтвердить, что господин Дарт и его сотрудники условия этого мирового соглашения исполняют до настоящего времени безукоризненно, точно так же я не знаю что-либо от «Нефтяной компании «ЮКОС», чтобы она когда-либо обсуждала вопросы, связанные с этим соглашением. Вместе с тем, предмет спорный был разрешен изначально в 1999 году, Ваша честь, он приблизительно того же свойства, что и позиция наших оппонентов в части цен на нефть. Поясню. Они тоже считали, что внутри Российской Федерации существуют мировые экспортные цены. Когда им это на пальцах объяснили, что внутри ни одной страны не может быть экспортных цен, поскольку экспортные цены, они могут быть только за пределами границы страны. Именно поэтому это экспортом и называется. Поэтому внутри любой страны экспортных цен быть в принципе не может. После того, когда они поняли экономику – сколько стоит логистика, сколько стоит прохождение таможенных пограничных барьеров, включая пошлину и так далее, сам по себе вопрос, этот именно вопрос, он был исчерпан. Он точно так же был исчерпан и потому, что как только структурам Дарта предложили, если они хотят, например, чтобы «Юганскнефтегаз», в частности, о котором шла речь, самостоятельно, в кавычках, занимался экспортом части своей нефти, без вопросов – профинансируйте риски «Юганскнефтегаза» в части логистики и экспортных пошлин, и вопросов никаких не будет. То есть, дайте ему денег, пусть он нефть довезет хоть до Вас. Продаст Вам и получит свою разницу, свою прибыль. Когда они это поняли, у них вопросов больше не было. Мягко говоря, скажем так, часть претензий, которая была, или вопросов, была у господина Дарта. Она впрямую изложена, это ошибочная позиция, в его письме по итогам, и адресовано в компанию «PricewaterhouseCoopers», оно где-то было в материалах нашего сфабрикованного дела, там как раз из этого письма и видно, что они не очень понимают, почему внутренние российские цены отличаются от цен на мировых площадках. Кстати, именно в обвинительном заключении наши оппоненты почему-то встали на сторону, или на ошибочную позицию сотрудников Дарта. Несмотря на то, что представители правительства Российской Федерации им черным по белому разъяснили, что так не бывает.

Государственный обвинитель Лахтин В.А.: так или иначе, насколько я понимаю, финансовые претензии Дарта, они были удовлетворены?

Подсудимый Лебедев П.Л.: кем?

Государственный обвинитель Лахтин В.А.: в результате чего он потерял интерес к этой проблеме?

Подсудимый Лебедев П.Л.: Ваша честь, повторю в третий раз. Структуры господина Дарта продали «Нефтяной компании «ЮКОС» принадлежащие им пакеты акций дочерних предприятий. Получили за это деньги.

Государственный обвинитель Лахтин В.А.: меня интересует, какие суммы.

Подсудимый Лебедев П.Л.: какие эти суммы? Они продали акции, получили деньги.

Государственный обвинитель Лахтин В.А.: какие деньги они получили, в стоимостном выражении Вы можете сказать?

Подсудимый Лебедев П.Л.: деньги в стоимостном выражении?

Государственный обвинитель Лахтин В.А.: какую сумму денег они получили?

Подсудимый Лебедев П.Л.: я не знаю, публиковалось это где-либо, но Дарт получил или должен был получить, по крайней мере, исходя из параметров отчетности, которая есть за этот период, с 1999 года, где-то в интервале от 120 до 150 миллионов долларов. Где приблизительно в этом интервале. Я не могу, Ваша честь, сказать точнее, поскольку в

финансовой отчетности «ЮКОСа» по US GAAP нет расшифровки резервов, связанных со сделками ценных бумаг конкретно по каждому эмитенту, там общая позиция стоит, точно так же, как стоит и общая сумма средств, истраченных в «Нефтяной компании «ЮКОС». Но порядок, он приблизительно такой. И напомним, мне это и не может быть известно, поскольку к тому моменту я в «Нефтяной компании «ЮКОС» уже не работал. Но как акционер «ЮКОСа», я был удовлетворен тем, что компания «ЮКОС» в итоге, Ваша честь, я о чем сейчас говорю, это 1999 год, конец, получила уже, где-то от 70 до 80 процентов контроля во всех своих дочерних добывающих предприятиях, где-то так. То есть, грубо говоря, я грубым счетом считаю, 51% плюс, там, процентов 20 от Дарта, то есть это более 70%, с учетом того, что компания «ЮКОС» еще на рынке постепенно тоже покупала маленькие пакеты акций. Таким образом, если считать для «ЮКОСа» это был большой успех, потому что он превысил планку так называемого мажоритарного пакета. Ваша честь, поясню, что корпоративная этика под этим подразумевает. Для некоторых решений собраний акционеров нужно две трети. Это, грубо говоря, 67%. Поэтому, когда у компании есть 75%, например, то получается, при решении для акционеров никаких проблем уже не существует.

Государственный обвинитель Лахтин В.А.: из Ваших показаний следует, что Вы не согласны с заключением экспертов, которые оценили стоимость пакета акций ОАО «Томскнефть» более чем в 3 миллиарда рублей. Скажите, пожалуйста, а в ходе расследования уголовного дела государство в лице представителей государства должно ли было обращаться в суды гражданской юрисдикции и оспаривать заключение оценки «МЦО» и другие незаконные решения, или рассчитывать, что правовая оценка таким действиям будет дана в ходе расследования уголовного дела?

Подсудимый Лебедев П.Л.: у Вас уже пытаются отнять полномочия и передать их мне, я в затруднении, должен ли я давать оценку правовую действиям государственных органов и судам, которые не хотели, не помогли, не собирались. Я предлагаю это снять, Ваша честь, в такой формулировке.

Вопрос снят.

Государственный обвинитель Лахтин В.А.: в другой интерпретации вопрос будет звучать таким образом: можете ли Вы заявлять о том, что оценка «МЦО» была обоснованной, поскольку она не оспорена в каком-либо суде?

Подсудимый Лебедев П.Л.: в соответствии с законодательством Российской Федерации, на 100%, поскольку законодательство «Об оценочной деятельности», нужно всего лишь открыть закон, ст. 12 и ст. 13 закона «Об оценочной деятельности». Так есть порядок, Ваша честь, что если кому-то что-то не нравится, я попытаюсь попонятнее разъяснить, что если у кого-то есть основания, причем, подчеркиваю, не вообще у кого-то, а у надлежащего лица, которое имеет к этому отношение, отчетом об оценке затронуты его интересы, он имеет право оспорить, подчеркиваю, итоговую величину объекта оценки в суде, до тех пор, пока это не сделано, все остальные рассуждения. С учетом того, что оценка состоялась в 1998 году, Ваша честь, в ноябре, а сейчас у нас сентябрь 2010 года, мне абсолютно понятно, что этот отчет оценщика, который никем в порядке, предусмотренном законодательством «Об оценочной деятельности» не оспорен, является действительным и обязан приниматься всеми. Ваша честь, речь тогда идет о достоверности, на что я подчеркиваю, об итоговой величине рыночной или иной стоимости объекта оценки, то есть речь идет не о каких-то формальных ошибочках, что там внутри пятисот страниц что-то ошиблись или пропустили, речь идет конкретно об итоговой величине объекта оценки. Ст. 13 в случае наличия спора о достоверности величины рыночной или иной стоимости объекта оценки, установленной в отчете, в том числе, и в связи с имеющимся иным отчетом об оценке этого субъекта указанный спор подлежит рассмотрению судом, арбитражным судом, третейским судом по соглашению сторон спора, или договора, или в порядке, установленном законодательством Российской Федерации об оценочной деятельности. Этого никем не сделано до сих пор. Поэтому сам по себе юридический характер вопроса, он беспредметен. Теперь экономический. Ни один

уважающий себя оценщик не сможет дать оценку рыночной стоимости объекта оценки более чем в 10 раз превышающую рыночные котировки. Потому что основным элементом для любого оценщика служат рыночные котировки. А если у него объект оценки отклоняется существенно от рыночных котировок, которые есть на рынке, он это должен объяснить, с чем это связано. В мире прецедента, когда кто-либо соглашался с оценкой рыночной стоимости объекта оценки, в десять раз превышающей его текущие котировки на рынке, не существует вообще. Более того, кто должен был рекомендовать по этой цене кому продать? Вы, Ваша честь, сами подумайте, когда на рынке это стоит, если грубо сказать, в десять раз меньше? Это они о чем спрашивают? Теперь, с чем связан экономический порок помимо профессионального порока оценщиков, которые делали это заключение? Если бы Минимущество, я уже показывал письмо Рустамова, и Федеральная служба по финансовым рынкам согласились бы с отчетом Русанов и Козлов, правильно? Тех, кто оценил в 10 раз больше, если они защищают интересы государства, то вперед, в суд, оспорили отчет «МЦО оценки», доказали, что отчет оценщиков правильный. И тогда бы у них появились юридические основания для того, чтобы дальше защищать интересы Российской Федерации. Ваша честь, я почему Вам показал письмо Рустамова, хотя там есть еще и другие решения ФСФО, и так далее, которые признали отчет оценщика. Отчет «Квинто-Консалтинга» не соответствующим законодательству об оценочной деятельности. Оно естественно, потому что я не представляю вообще людей, которые придут в суд, я Вам покажу, как я Вам показал, да, биржевые котировки РТС, там условно написано доллар, а приходят какие-то оценщики, говорят: «Нет, в 10 раз дороже». А кто им, даже если поверит, поскольку такого не бывает. Что случилось в Российской Федерации в конце 1998 года, Ваша честь? И какими махинациями профессиональными занимались эти оценщики, чтобы было понятно? Есть такой подход при оценке балансовой стоимости различных объектов имущества: для приведения их для целей рыночной стоимости есть так называемые коэффициенты ликвидности. В Российской Федерации общепризнанный коэффициент ликвидности в конце 1998 года был 90-95%. Поясню, почему. В Российской Федерации просто не было денежной массы для того, чтобы отоваривать ту стоимость активов, которая обращалась в Российской Федерации. Этой денежной массы даже не хватало на оплату по номиналу государственных ценных бумаг, я подчеркиваю, в связи с чем и произошел дефолт, у нас государственные ценные бумаги Российской Федерации на рынке Российской Федерации в тот период стоили 5-10 копеек за рубль номиналом. Поэтому ни один оценщик, Ваша честь, не может такого рода экономические критерии, а это стандарты оценки, это специальный раздел, посвященный обстоятельствам, в ходе которых осуществляется оценочная деятельность. Я почему попросил их сюда привести, для того чтобы им кое-что показать, чтобы они посмотрели, и также можно действительно до уголовной ответственности. Второе, Ваша честь, почему я с этим не согласен. Они все три миллиарда оценки, наши оппоненты, в преступных целях приписали только Российскому фонду федерального имущества или правопреемнику Росимуществу. Ваша честь, это каким же образом? У них 30%, у «ЮКОСа» 54%. Так надо было и «ЮКОС» сделать фальшивым гражданским истцом и привести его в суд. Потому что на пакет «Восточной» на пакет «Томскнефти», а в основном о нем идет речь, это основная стоимость, там доля в капитале «ЮКОСа» в два раза больше, чем у Росимуществу. Таким образом, когда Росимущество прибежало к нам с фальшивым на все 3 миллиарда, то есть на всю сумму оценки, мы с ними, никак с потерпевшими никто не разбирается, каким образом они это посчитали. Поэтому и в этой части это вообще никак не соответствует действительности. И самое главное, Ваша честь, уже защита обратила внимание – как можно оценивать стоимость акции нефтяной компании, не зная, они сами в этом признаются, как оценивать несколько десятков видов активов, которые принадлежат «Нефтяной компании «ЮКОС», они всего лишь пишут – они не знают, как это оценивать. Не знают. А самый смешной вариант отчета, Ваша честь, у них стоимость оценки только «Томскнефти» в итоге стала практически такой же, как стоимость всего «ЮКОСа». Хотя, напоминая, «ЮКОС», как ни странно, этой «Томскнефтью» владеет.

Такого не бывает. Поэтому если даже часть не может быть равна целому, Ваша честь, это закон такой. У них, в общем-то, бывает – 4 миллиона является частью одного миллиона, это все из той же оперы. Ваша честь, Ваше дело – принимать в этой части решение. Весь мой профессиональный опыт, я, почему об этом категорично заявляю, заставляет меня согласиться с утверждением Алексея Дмитриевича Голубовича, поскольку именно он организовывал эти сделки, что обмен акций в соответствии с их рыночными котировкам является разумным и справедливым экономическим решением. Я сейчас говорю не о юридическом решении, а с экономической точки зрения, поскольку на тот момент все виды индикативной экономической информации давали, грубо говоря, этот общий коэффициент: одна акция «Томскнефти» – две акции «ЮКОСа», а это как раз и соответствовало рыночным котировкам. Ваша честь, это могло быть, при, скажем так, чтобы было понятно, например, один к трем, вряд ли больше, с учетом различных поправок, с учетом тщательного изучения информации, может быть, не один к двум, а один к полтора, например, вот где-то в этом интервале. Но один к 30, к чему они пришли, Ваша честь, у них 187 рублей стоит акция «Томскнефти», у оценщиков, и 6 рублей акция «ЮКОСа». Это ни в какие ворота не лезет. Это коэффициент 1 к 30.

Государственный обвинитель Лахтин В.А.: а биржевые котировки акций у «Томскнефти» существовали на момент реализации договора мены между дочерними обществами «ВНК» и, соответственно, ОАО «НК «ЮКОС», акции «ЮКОСа»?

Подсудимый Лебедев П.Л.: видите ли, в чем дело – сама по себе, Ваша честь, лекция в области котировок вообще ничего не дает. У Вас-то в заведомо ложном обвинении утверждается, что стоимость Вы определяете согласно рыночным ценам. А Вам господин Школьников и я, да, точно так же заявляем, что Вы там солгали, поскольку рыночных цен на акции «Томскнефти» по состоянию на 01 ноября 1998 года не было вообще. Таким образом, Ваше обвинение, оно изначально заведомо ложное, поскольку рыночных цен на акции «Томскнефти», о которых Вы здесь констатировали, в своем обвинении, это лист 12 ППО, их вообще не было на рынке. Поэтому откуда Вы их взяли, и Вам Школьников подтвердил, что не только рыночных цен не было, поскольку даже торгов и сделок не было с акциями «Томскнефти» на рынке, а рыночные цены только оттуда, но и даже биржевых котировок по состоянию на 01 ноября не было, последние биржевые котировки по акциям «Томскнефти» 13 октября 1998 года, я это в своих показаниях и в своих материалах, которые я приобщил к показаниям, Вам уже дал. Поэтому у Вас само обвинение изначально заведомо ложное. А если Вы разницу не понимаете между рыночными ценами и оценкой рыночной стоимости, это уже совсем другое.

Государственный обвинитель Лахтин В.А.: у меня вопрос по поводу ряда лиц. По поводу Гололобова Вы уже объяснили, а по поводу Бахминой, как Вы можете объяснить свои взаимоотношения, и давались ли Вами какие-либо указания по организации проведения общих собраний акционеров по поводу организации, обсуждения вопросов по одобрению сделок купли-продажи нефти, и какие указания давались, обсуждались ли вопросы по поводу ее участия в организации этих общих собраний по этим вопросам. Это касается и Гололобова.

Подсудимый Лебедев П.Л.: такое ощущение, что я попал на другое судебное заседание. Я не помню, чтобы я что-либо говорил про Гололобова, не важно. Мне казалось, что про Гололобова говорила моя защита и пыталась огласить те сведения, которые он хотел сообщить суду, против которых господин Лахтин возражал. Теперь, Ваша честь, я попрошу, чтобы они уточнили вопрос в одной части – о каких собраниях, каких обществ и так далее, идет речь?

Государственный обвинитель Лахтин В.А.: я Вас хочу спросить. Допустим, об организации собрания акционеров в дочерних организациях ОАО «НК «ЮКОС».

Подсудимый Лебедев П.Л.: я никогда не принимал участия в собраниях акционеров дочерних обществ «ЮКОСа».

Государственный обвинитель Лахтин В.А.: а в организации собраний в ОАО «НК «ЮКОС», общего собрания акционеров ОАО «НК «ЮКОС»?

Подсудимый Лебедев П.Л.: в «Нефтяной компании «ЮКОС» я принимал участие на всех собраниях акционеров, в том числе и путем заочного голосования.

Государственный обвинитель Лахтин В.А.: в подготовке, этих собраний Бахмина и Гололобов принимали какое-то участие? Что Вам известно об этом?

Подсудимый Лебедев П.Л.: мне ничего не известно в этой части ни про Гололобова, ни про госпожу Бахмину. Мое участие как акционера в собраниях акционеров «ЮКОСа» происходит следующим образом. В соответствии с уставом компании совет директоров определяет и информирует акционеров о датах проведения собрания акционеров. Как так называемого ежегодного, Ваша честь, по итогам года, так и внеочередных собраний, если возникает та или иная необходимость. Совет директоров, соответственно, предлагает акционерам «ЮКОСа» две формы участия в собрании акционеров – очная или заочную, и об этом информируют всех акционеров, публикуют об этом соответствующую информацию как на корпоративном сайте, так и в прессе. В том числе, и лично, вернее, индивидуально обращаются к акционерам. Плюс, присылают акционерам повестку дня собрания акционеров, утвержденную советом директоров, а также бюллетени. Таким образом, у каждого акционера есть возможность или до собрания высказать свою позицию по вопросам, которые вынесены, заполнены бюллетени направить в адрес регистратора, или же непосредственно участвовать в собрании акционеров «Нефтяной компании «ЮКОС» и там лично голосовать. Я, как правило, соглашался на второй вариант – я лично участвовал. Как проходила организация, подготовка советов директоров «Нефтяной компании «ЮКОС» собрания акционеров с точки зрения техники, мне не известно.

Государственный обвинитель Лахтин В.А.: и голосование каким образом происходило? Судом объявляется перерыв.

16 часов 00 минут – судебное заседание продолжено в том же составе.

Государственный обвинитель Лахтин В.А.: Вы здесь объяснили о том, что у компании «Birkenholz» имелись соответствующие претензии, и ранее допрошенные свидетели, и Михаил Борисович Ходорковский тоже говорили об этом, и связывали это обстоятельство с обстоятельствами по обмену акций между дочерними компаниями ОАО «ВНК» и ОАО НК «ЮКОС». Как Вы полагаете, если, Вы и Ходорковский считаете, что претензии «Birkenholz» были явно, по Вашему мнению, незаконными, что мешало, Вам обратиться в правоохранительные органы за разрешением этой проблемы, так сказать, с соответствующим заявлением?

Председательствующий: в первой части Вашего вопроса утверждение прозвучало. Еще раз не могли бы Вы повторить?

Государственный обвинитель Лахтин В.А.: это констатация о том, что и Ходорковский, и Лебедев считают, что претензии компании «Birkenholz» были явно незаконны. По их мнению. Это из их показаний следует. Что мешало им и лицам, которые были солидарны с ними, обратиться в правоохранительные органы с соответствующим заявлением?

Подсудимый Лебедев П.Л.: я не понял насчет мены акций между дочерними предприятиями, это какая-то такая, вольная интерпретация, но я пытаюсь сделать вид, что догадался, о чем идет речь. Я про «Birkenholz» еще, вообще, даже ни слова не говорил. Что Вы про меня сидите, сочиняете?

Государственный обвинитель Лахтин В.А.: причиной заключения договоров мены акций между дочерними компаниями ОАО «ВНК» и ОАО НК «ЮКОС» считают имущественные претензии компании «Birkenholz». И эти претензии компании «Birkenholz» и Ходорковский, и Лебедев считают незаконными. В таком случае, если, по их версии, эти претензии были незаконные, что мешало обратиться в правоохранительные органы для принятия меры соответствующих к руководству компании «Birkenholz»?

Подсудимый Лебедев П.Л.: я пытаюсь догадаться, о чем меня спрашивают, но поскольку достаточное количество фактических утверждений в вопросе заранее не соответствуют действительности, мне очень сложно будет дать однозначный итоговый ответ. Вот если можно, я к прокурору Смирнову обращусь. Попробуйте его этот большой вопрос на серию маленьких разбить, и мы сразу быстрее пойдем друг друга. Потому что про «Birkenholz»,

про нефтяную компанию «ЮКОС», так далее, там много чего не того, чего Вы спрашиваете.

Государственный обвинитель Лахтин В.А.: давайте я разобью этот вопрос. Во-первых, известна ли Вам компания «Birkenholz»? Да, нет? Можете ответить? Ее руководители.

Подсудимый Лебедев П.Л.: компания «Birkenholz» мне стала известна в 2002, возможно, в 2001 году.

Государственный обвинитель Лахтин В.А.: в связи с какими обстоятельствами эта компания стала Вам известна?

Подсудимый Лебедев П.Л.: в связи с тем, что мне коллеги рассказали, как разрешалась вся процедура, связанная с приобретением «ЮКОСом» стопроцентного контроля над «Восточной нефтяной компанией».

Государственный обвинитель Лахтин В.А.: о претензиях компании «Birkenholz» Вам что-то известно?

Подсудимый Лебедев П.Л.: мне на тот период, о котором идет речь, 1998 год, взаимоотношения компаний «Birkenholz» и только не компании «ЮКОС», а «Восточной нефтяной компании», я хочу Вас поправить, это же в Вашем сфабрикованном обвинении написано, поэтому Вы отклоняетесь от него. Мне ничего не было известно на тот момент.

Государственный обвинитель Лахтин В.А.: поясню, что обвинительное заключение не я составлял. Я государственный обвинитель в данном процессе.

Подсудимый Лебедев П.Л.: оно обладает филигранной точностью, как Вы заявили. Вы исследовали все доказательства, которые Вы подтверждаете в соответствии с главой 10-11 УПК, и вместе с Шохиним ни на йоту ни собираетесь от него отказываться.

Государственный обвинитель Лахтин В.А.: и так же, как другие участники процесса, устанавливаю обстоятельства, подлежащие доказыванию по данному делу.

Подсудимый Лебедев П.Л.: итак, Ваша честь, мне стало потом известно о многих обстоятельствах, связанных с рисками вокруг «Восточной нефтяной компании ЮКОС». Как самой «Восточной нефтяной компании», так и «Томскнефти». Одним из элементов этих рисков была компания «Birkenholz».

Государственный обвинитель Лахтин В.А.: и в чем же суть этих рисков?

Подсудимый Лебедев П.Л.: дальше по своим каналам я проверил, Ваша честь, у меня возможности большие, и убедился в том, что сделки компании «Birkenholz» имели непосредственное отношение к господину Рыбину. Это легко сделать, поскольку речь идет об иностранных компаниях, это очень легко. Поэтому природа претензий компании «Birkenholz» к «Восточной нефтяной компании» и арест контрольного пакета акций «Томскнефти», который принадлежал «Восточной нефтяной компании», и цели, которые преследовали господа Рыбин и Авалишвили, и прочие деятели, мне к 2002 году стало хорошо понятно.

Государственный обвинитель Лахтин В.А.: а тем гражданам, которые инициировали...

Подсудимый Лебедев П.Л.: а с точки зрения обращения в правоохранительные органы, Ваша честь, наверное, прокурор Лахтин не понимает, что те, кто их сюда прислал, он вносил материалов сфабрикованного дела, в соответствии с которыми Арбитражный суд высший отменил все предыдущие судебные решения по сделке «Birkenholz»-«ВНК». Это началось в 1999, закончилась эта тема, Ваша честь, в 2001 году. После того, как сделка «Birkenholz» была аннулирована окончательно, а это в 2001 году, состоялось обратное исполнение договоров мены. Когда акции «Томскнефти» вернулись «Восточной нефтяной компании». А «Восточная нефтяная компания» через определенный срок вернула акции «ЮКОСа» и все, что, в общем, полагается. Это произошло в 2001 году. Подчеркиваю, Ваша честь, я здесь полностью, хотя это не моя функция, я не могу их одобрять, как акционер нефтяной компании «ЮКОС», но, в общем-то, как бизнесмен я одобряю действия компании «ЮКОС» в какой части, что они дожидались вступления в законную силу решений о том, что сделка с «Birkenholz», поскольку ту арбитражную процедуру Вы знаете (суд, апелляция, и только потом – судебная инстанция), у этой процедуры, конечно, я понимаю, что им пришлось выдержать. Науськанные Авалишвили и компанией

милиционеры пытаются по уголовному делу, которое они возбудили, атаковать компанию. А параллельно, менеджменту нефтяной компании нужно дожидаться и дожимать тему в арбитражных судах, чтобы одна из основ этого, или попытка, точнее, рейдерства, наезда на «ВНК», была ликвидирована через арбитражные суды. Ваша честь, это время. Это я прекрасно понимаю. А параллельно людей вызывают на допросы. И допрашивают, как это происходит. Так вот, у нас милиционеры на тот момент, я так понимаю, совсем не уважали суды Российской Федерации, поскольку, я так понимаю, получив решение суда Российской Федерации, как теперь это называется справедливое, они должны были, или обязаны закрыть уголовное дело, Ваша честь, еще в 2002 году. Поясню, почему. Потому что в 2001 году вышло Постановление Правительства Российской Федерации о продаже оставшегося пакета «Восточной нефтяной компании». И такого рода распоряжения Правительства Российской Федерации, не мне Вам рассказывать, собирают визу всех. В том числе, Федеральной службы безопасности и представителей Генеральной прокуратуры, помимо экономических ведомств – Минимущества, Российского фонда федерального имущества и так далее. Так вот, в 2002 году, этот пакет когда уже был продан «ЮКОС» (в итоге, «ЮКОС» выиграл аукцион и купил этот оставшийся пакет), вся тема, в том числе, и с «Birkenholz» как таковым, она была исчерпана в двух смыслах. Потому что на балансе «Восточной нефтяной компании» оказались обратно акции «Томскнефти», а сделка с «Birkenholz», которую заключил с «Восточной нефтяной компанией» была признана недействительной и незаконной. Таким образом, все юридические риски для компании, они к тому моменту исчезли.

Государственный обвинитель Лахтин В.А.: эти обстоятельства возвращения акций «ВНК», они не были связаны с тем, что проводилось активное расследование по уголовному делу, о котором Вы здесь упоминаете? И, кстати, постановление о возбуждении данного уголовного дела, оно никем не отменено, и ничем не опровергнуто. Может, не это явилось причиной возвращения акций «ВНК»?

Подсудимый Лебедев П.Л.: я удивлен, как в публичном процессе прокуратура гордится преступными действиями милиции, что их преступное постановление о возбуждении уголовного дела до сих пор не отменено. Таким образом, Ваше понимание надзорности как прокурора состоит в чем-то в другом. Только я абсолютно не понимаю.

Государственный обвинитель Лахтин В.А.: нет, я просто констатирую законность и обоснованность постановления о возбуждении уголовного дела, которое до сих пор существует и не отменено.

Подсудимый Лебедев П.Л.: я Вам напомню, надзирающий прокурор Лахтин, что у Вас в постановлении, которое было вынесено в результате совершения преступления Каримова и Бирюкова по «Открытой России», до сих пор точно так же никем не отменено. И я об этом даже не уведомлен. Оно у Вас формально продолжает действовать, несмотря на то, что это фальшивое уголовное дело уже давно исчезло с горизонта. Но ни я, ни моя защита об этом не уведомлена. А Вы за этим преступлением продолжаете наблюдать и набираете себе сроки, ради Бога. Таким образом, Ваша честь, милиция, как исполнила свою функцию, поясню. Я всего лишь прекрасно понимаю, что Лахтину даже не читал материалов уголовного дела. Он вопросы задает сам всем свидетелям, но сам почему-то не способен открыть и прочитать, где же, на самом деле, и что, на самом деле, на эту тему написано именно у милиции.

Государственный обвинитель Лахтин В.А.: в результате неэквивалентного обмена 38% пакета акций дочерних предприятий «ВНК», предприятие «ВНК» получило более 30 миллионов акций ОАО «НК «ЮКОС». Скажите, пожалуйста, а в этом случае могла ли компания «ВНК» распорядиться этими акциями, или в результате каких-то финансовых операций они были переданы в залог ОАО НК «ЮКОС»?

Председательствующий: Валерий Алексеевич, у Вас опять идет утверждение в вопросе.

Государственный обвинитель Лахтин В.А.: распоряжалась ли реально этими акциями, 30 миллионами акций ОАО «НК «ЮКОС», компания «ВНК»?

Подсудимый Лебедев П.Л.: Ваша честь, меня заставляют делать предположения.

Государственный обвинитель Лахтин В.А.: что Вам известно? Известно или нет? Да или нет? Ответьте однозначно.

Подсудимый Лебедев П.Л.: он действительно знает мои показания, о которых он каждый раз говорит, я в «Восточной нефтяной компании» не работал.

Государственный обвинитель Лахтин В.А.: ничего не можете пояснить по поводу этого?

Подсудимый Лебедев П.Л.: как распоряжалось руководство «Восточной нефтяной компании» принадлежащими ей активами, оно мне даже не обязано было докладывать. Напоминаю, Ваша честь, еще раз. Одно из заявлений о преступлениях посвящено тому, что господин Лахтин вместе с господином Каримовым, когда фабриковали обвинение, записали, что я в ноябре 1998 года работал заместителем объединенного правления ЗАО «Роспром». Это ложь. И как, Ваша честь, я уже просил, я все заявления о преступлениях прошу считать моими показаниями по делу. Как раз в ноябре 1998 года ЗАО «Роспром» было исполнительным органом «Восточной нефтяной компании». Только Лебедев в ЗАО «Роспром» в тот период и в «Восточной нефтяной компании» не работал. Поэтому я не собираюсь, Ваша честь, выдумывать и предполагать, чем руководствовались люди. Я думаю, они руководствовались интересами бизнеса и интересами своих компаний, в которых они работают. Но я их сделками, в принятии решений, не имею отношения. С другой стороны, поскольку мне сейчас известны обстоятельства попытки рейдерского захвата, я прекрасно понимаю, чем занимался менеджмент «Восточной нефтяной компании», в том числе, и менеджмент нефтяной компании «ЮКОС». Это написано в решениях судов, вступивших в законную силу. В том числе, и иностранных.

Государственный обвинитель Лахтин В.А.: Ваша честь, подсудимому Лебедеву передаются копии ежедневников из 128 тома. Соответственно, это ежедневники, записи которых, в том числе, делала секретарь Лебедева Добродеева и в 2000 году, и в 2002 году.

Подсудимый Лебедев П.Л.: у меня возражение. Добродеева в 2000 году, она здесь давала показания, не была моим секретарем.

Государственный обвинитель Лахтин В.А.: извините, в том числе, Ваша честь, в том числе, дополняю. И Добродеева.

Подсудимый Лебедев П.Л.: что значит, в том числе?

Государственный обвинитель Лахтин В.А.: вели секретари Лебедева, в том числе, и Добродеева. В 2000 и в 2002 году. На листе 31 имеется упоминание, это дата от 17 января 2000 года. Ваша честь, Добродеева давала, в частности показания.

Подсудимый Лебедев П.Л.: Добродеева по показаниям по ежедневнику 2000 года не могла давать показания.

Государственный обвинитель Лахтин В.А.: в частности. а если внимательно проанализировать данный ежедневник, то на листе 31 имеет дата – 17, соответственно, января, если в начале читать. Идет датировка января. Потом, значит, датировка дат февраля, марта, апреля, мая и так далее. Итак, от 17 января 2000 года имеется запись: «Жуковка, Анилионис, Крайнов, Ошурков, Юдин». Что Вы можете объяснить по поводу этих обозначений? Имели ли место в Жуковке, в каком конкретно помещении, по какому адресу, и с участием каких граждан 17 января 2000 года? И с вышеперечисленными гражданами могла ли иметь место, имела ли место в Жуковке, и где конкретно, в каком помещении, по каким вопросам, встреча?

Подсудимый Лебедев П.Л.: с вышеперечисленными гражданами 17 января 2000 года могла иметь место встреча.

Государственный обвинитель Лахтин В.А.: по какому вопросу.

Подсудимый Лебедев П.Л.: по разным.

Государственный обвинитель Лахтин В.А.: по какому адресу?

Подсудимый Лебедев П.Л.: здесь не указан.

Государственный обвинитель Лахтин В.А.: а в Жуковке Одинцовского района Московской области, в поселке Жуковке, по какому адресу могла иметь место встреча?

Подсудимый Лебедев П.Л.: адресов пять-шесть я могу, конечно, назвать.

Государственный обвинитель Лахтин В.А.: назовите, пожалуйста, меня интересует адрес на Колпачном переулке, в городе Москве и адрес в Жуковке.

Подсудимый Лебедев П.Л.: Ваша честь, Колпачный переулок в Москве находится. Деревня Жуковка – это Одинцовский район Московской области. По указанному переулку деревня Жуковка. В Жуковке и рядом с Жуковкой, потому что это условное обозначение, Ваша честь, я мог с людьми встречаться в разных офисах.

Государственный обвинитель Лахтин В.А.: в разных офисах?

Подсудимый Лебедев П.Л.: да. В том числе, Ваша честь, еще в местах, которые в зависимости от формата встречи, для некоторых встреч предназначены. Например, если речь шла о встрече, где необходимо было покормить, она могла быть в Жуковке, в «Царской охоте».

Государственный обвинитель Лахтин В.А.: адрес какой? Дом, номер? 88а, например? Изменялся там дом? Нумерация дома.

Подсудимый Лебедев П.Л.: 88а, имелся адрес.

Государственный обвинитель Лахтин В.А.: там проводились встречи, начиная с 2000 года?

Подсудимый Лебедев П.Л.: я думаю, они там могли проводиться и раньше января 2000 года.

Государственный обвинитель Лахтин В.А.: а что из себя представляло помещение по адресу Жуковка, 88а? Ну, размеры помещения.

Подсудимый Лебедев П.Л.: трех или четырехэтажное здание, приблизительно, в котором располагалось несколько офисов. На верхнем этаже был офис, верхние этажи занимал офис и кабинеты адвоката Антона Дреля вместе с его коллегами. Нижнюю часть этажей арендовало российское представительство компании «GML Management Services S.A.». И этой частью управлял Владимир Владимирович Моисеев. Ваша честь, уже на память не помню, три или четыре там этажа. Это про 88а. Еще были встречи (и, возможно, могли быть встречи) в домах 46, 66. Я некоторых людей приглашал в офисы, которые формально не называли даже Жуковкой, хотя это было рядом с Жуковкой, но юридически это называлось по-другому. Иногда некоторые встречи проходили, фактически та же самая Жуковка, где был большой теннисный корт, вернее, не корт был, а теннисный центр. Честно говоря, не помню. На время арендовали там. Все зависело, Ваша честь, от того, как было удобно или мне, или тем, кто приезжал, что могло быть много мест. Как раз весной 2003 года и собирались открыть офис, где я буду сидеть постоянно, если так можно сказать. Хотя у меня был постоянный офис в Москве, это Колпачный переулок, но в деревне Жуковке и вокруг деревни Жуковка, в общем, встречи проходили, где было удобно.

Государственный обвинитель Лахтин В.А.: на этой странице указано, что Вы планировали встречу с Леоновичем по поводу МФО «Менатеп». Имела место такая встреча в этот день? И если не помните, то, в принципе, могла она иметь место? И какие вопросы Вы обсуждали с Леоновичем?

Подсудимый Лебедев П.Л.: и где здесь написано «МФО «Менатеп»?

Государственный обвинитель Лахтин В.А.: в частности, здесь написано «Леонович». От 19 января 2000 года.

Подсудимый Лебедев П.Л.: мы уже от семнадцатого ушли?

Государственный обвинитель Лахтин В.А.: да, «Леонович» написано. Вот 17 и 19 он написан, вместе с Гулиным. 19 – вместе с Гулиным, и 17 – один.

Подсудимый Лебедев П.Л.: чтобы упростить ответы на вопросы, в течение 2000, Ваша честь, 2001 года, все, что касается встреч, возможно, как с представителями нефтяной компании «ЮКОС», с представителями шести банков (это «Доверительный и инвестиционный банк», банк «Менатеп Санкт-Петербург», Центральный Банк, «Промстройбанк», «Российский кредит»). Все, что связано было с реструктуризацией обязательств банка «Менатеп», у меня встречи проходили как в Москве, так и за пределами Москвы, фактически, каждый день. Я занимался реструктуризацией не только

обязательств банка «Менатеп», но и помогал. Вернее, кредиторам этих банков. Поэтому огромное количество встреч. Вот, например, здесь написано, 20 числа написано, например: «Bank of New York». Это один из кредиторов банка «Менатеп».

Государственный обвинитель Лахтин В.А.: Маруев там также указан.

Подсудимый Лебедев П.Л.: Маруев – это сотрудник «ЮКОСа».

Государственный обвинитель Лахтин В.А.: да, заместитель главного бухгалтера ОАО НК «ЮКОС».

Подсудимый Лебедев П.Л.: мне неизвестно, чтобы он был заместителем главного бухгалтера «НК «ЮКОС».

Государственный обвинитель Лахтин В.А.: но Вам известно, что он был сотрудником «ЮКОСа»?

Подсудимый Лебедев П.Л.: более того, я даже не знаю, есть ли в нефтяной компании «ЮКОС» такая должность. Но проблема не в этом. Я знаю, что все, что касается обязательств компании «ЮКОС» по реструктуризации банка «Менатеп», как правило, в этих встречах принимали участие пять-шесть человек от нефтяной компании «ЮКОС», в которые включались финансисты и юристы. Я сейчас, естественно, не могу вспомнить там всех, но, в том числе, в моих встречах были и Леонович, и Маруев, и каждый раз они были или в каком-то ином составе, я сейчас, действительно, не помню. Банк «Менатеп Санкт-Петербург». Леонович – это «ЮКОС». Господин Шмидт – это адвокат. А Айнутдинов – это страховая компания. Прокофьев – мой помощник. Фадеева Наташа – это руководитель казначейства «Доверительного и инвестиционного банка». Ю.Д.Р. – это день рождения Юдина. Я помню, это 17 января. Дальше, Гулин, Селиверстов – это сотрудники «Макариос энд компания», которые точно также принимали участие в реструктуризации обязательств банка «Менатеп», поскольку часть их компаний были кредитованы банком «Менатеп».

Государственный обвинитель Лахтин В.А.: я правильно понимаю, что без их участия невозможно было избежать?

Подсудимый Лебедев П.Л.: участия в чем?

Государственный обвинитель Лахтин В.А.: в обсуждении этих вопросов. Они необходимы были при обсуждении этих вопросов?

Подсудимый Лебедев П.Л.: кому?

Государственный обвинитель Лахтин В.А.: Вам лично. Вы же их приглашали на встречу, они же приходили. Секретарь записывал их.

Подсудимый Лебедев П.Л.: почему Вы решили, что я их приглашал?

Государственный обвинитель Лахтин В.А.: Вы их принимали?

Подсудимый Лебедев П.Л.: если они попросили, конечно, я их принимал.

Государственный обвинитель Лахтин В.А.: но Вы же говорили, что никакого отношения к ОАО «НК «ЮКОС» в этот период времени (ранее говорили) не имели вообще. Почему Вы приглашаете сотрудников ОАО «НК «ЮКОС»?

Подсудимый Лебедев П.Л.: нефтяная компания «ЮКОС» была кредитором банка «Менатеп». Нефтяная компания «ЮКОС», реструктуризации обязательств банка «Менатеп».

Государственный обвинитель Лахтин В.А.: ранее Вы сказали абсолютно точно суду о том, что никакого отношения к ОАО «НК «ЮКОС» не имели вообще, ни с кем не встречались.

Подсудимый Лебедев П.Л.: это и не имеет никакого отношения к нефтяной компании «ЮКОС».

Государственный обвинитель Лахтин В.А.: Вы же встречаетесь с их сотрудниками.

Подсудимый Лебедев П.Л.: и что?

Государственный обвинитель Лахтин В.А.: причем постоянно. И подтверждаете это в судебном заседании.

Подсудимый Лебедев П.Л.: и что? Видите ли, в чем дело, господин Лахтин, поскольку Российская Федерация является акционером «ЮКОСа», значит, Вы тоже с утра до вечера имели отношение к нефтяной компании «ЮКОС». Но поскольку Вы об этом в первый раз

слышите, это при такой технологии можно где угодно. Еще раз напоминаю, речь касалась реструктуризации обязательств банка «Менатеп». Всех, кто в этом процессе был задействован.

Государственный обвинитель Лахтин В.А.: непосредственно в Москве Вы, в каких помещениях встречались? Можете сказать? С этими гражданами, которые здесь указаны.

Подсудимый Лебедев П.Л.: непосредственно в Москве – в разных.

Государственный обвинитель Лахтин В.А.: на Колпачном переулке в каком помещении?

Подсудимый Лебедев П.Л.: в нескольких помещениях на Колпачном переулке.

Государственный обвинитель Лахтин В.А.: а адреса Вы помните? Дом, номер?

Подсудимый Лебедев П.Л.: Колпачный переулок, дом 5.

Государственный обвинитель Лахтин В.А.: там корпус имеется или без корпуса?

Подсудимый Лебедев П.Л.: я на память не помню.

Государственный обвинитель Лахтин В.А.: на 32 странице указано за 21 января, встреча с Леоновичем и Айнутдиновым. 21 января в 11 часов 30 минут, записано: «Леонович и Айнутдинов». Могла иметь место такая встреча? И какие вопросы могли обсуждать с Леоновичем и Айнутдиновым? Две фамилии меня только интересуют. Помните, не помните?

Подсудимый Лебедев П.Л.: она могла состояться. Могла не состояться. Если бы только знали, какие я только не обсуждал вопросы.

Государственный обвинитель Лахтин В.А.: л.д. 33. Указано, соответственно, по состоянию на двадцать пятое: Маруев, также Леонович, 17.30. Значит, и 24 января указаны Прокофьев, Беляев и также Леонович. Что Вы можете объяснить? Состоялась эта встреча, в указанное время? Какие вопросы Вы обсуждали или планировали для обсуждения в данном составе лиц? И в таком составе какие вопросы Вы могли обсуждать? И где конкретно, в каких помещениях? И 25 января 2000 года, соответственно, в 17 часов 30 минут указано: Маруев, Кокорин, Леонович, Гулин, Захаров.

Подсудимый Лебедев П.Л.: все, что касается такого состава и набора – это, как правило, операции, связанные с реструктуризацией обязательств банка «Менатеп», в том числе, напоминаю, и с выкупов активов банка «Менатеп» в ходе конкурсного производства. Или то, или то.

Государственный обвинитель Лахтин В.А.: л.д. 37, 08 февраля в 17 часов, указаны: Кокорин, Беляев, Юров, Маруев, Ищенко, Гулин, Захаров, Прокофьев, Королев, Леонович. Вопрос такой же. В таком составе какие вопросы могли обсуждаться, в каких помещениях и в каком доме Вы участвовали, и какая тематика была обсуждений? К каким выводам Вы в ходе этого обсуждения пришли?

Подсудимый Лебедев П.Л.: эта встреча могла состояться и не состояться. Она могла состояться на Колпачном переулке, могла состояться в любом ином месте. Я не знаю сейчас, но я уже убежден, особенно когда речь идет о Кокорине, Беляеве, Юрове – это «Доверительный и инвестиционный банк». А дальше, Ищенко, Маруев не помню, откуда Ищенко. Маруев – из «ЮКОСа». Леонович – из «ЮКОСа», Королев – «Доверительный и инвестиционный банк», Прокофьев – мой помощник. Что-то обсуждали.

Государственный обвинитель Лахтин В.А.: на л.д. 41, в 23 февраля указаны встречи, состоявшиеся или планируемые, с участием в 13 часов 30 минут Леоновича и Прокофьева.

Подсудимый Лебедев П.Л.: мне о встрече Леоновича и Прокофьев ничего неизвестно.

Государственный обвинитель Лахтин В.А.: вопросы те же: где могла состояться встреча, какие в этом составе вопросы Вы обсуждали?

Подсудимый Лебедев П.Л.: где она могла состояться, мне неизвестно. Вполне возможно, что она могла состояться в г. Москве.

Государственный обвинитель Лахтин В.А.: в таком составе в 2000 году состоялась какая-либо встреча, с участием этих лиц и Вас?

Подсудимый Лебедев П.Л.: и неоднократно.

Государственный обвинитель Лахтин В.А.: какие вопросы Вы обсуждали в этом составе? С Леоновичем и Прокофьевым в 2000 году.

Подсудимый Лебедев П.Л.: я уже сказал, чтобы не повторяться, Ваша честь, мы с Леоновичем, который до 2000 года, когда мы последние деньги заплатили? До 2002 года мог со мной встречаться по завершению всех или по завершению, вообще, проекта по банку «Менатеп Москва».

Государственный обвинитель Лахтин В.А.: на листе дела 42 указано...

Подсудимый Лебедев П.Л.: я еще раз Лахтину объясню. Я был председателем совета директоров МФО «Менатеп», председателем совета директоров инвестиционного банка «Траст» или «Доверительного и инвестиционного банка», и банка «Менатеп Санкт-Петербург». Господин Леонович был членом совета директоров «ЮКОС Москва». Это так, для сведения. Поэтому, какие вопросы я с кем, когда обсуждал, здесь не написано, они могли касаться деятельности «Доверительного и инвестиционного банка», банка «Менатеп Санкт-Петербург», реструктуризации обязательств банка «Менатеп», участия или подготовки в повестке заседания совета директоров и так далее. Поэтому я с ними, естественно, встречался. Сразу могу сказать, что в едином списке членов совета директоров МФО «Менатеп», банка «Менатеп Санкт-Петербург» и «Доверительный и инвестиционный банк» в разное время, в разных местах обсуждал разные вопросы, касающиеся деятельности. В частности, что касается «Доверительного и инвестиционного банка», я был акционером, лично.

Государственный обвинитель Лахтин В.А.: на л.д. 42, на 25 февраля 2000 года указаны: Ошурков, Маруев, Подколдин и Леонович. И тут же, 26 февраля 2000 года указано: 12 часов, Жуковка, совещание. Объясните, пожалуйста, эти записи. Могла ли состояться встреча, соответственно, и с кем, в Жуковке, и по какому адресу непосредственно состоялась? Какие вопросы обсуждали?

Подсудимый Лебедев П.Л.: эти встречи могли состояться. Мне неизвестно сейчас, состоялись ли они. Они могли состояться в Москве, в Жуковке, где угодно.

Государственный обвинитель Лахтин В.А.: содержания записей в ежедневнике разные совершенно. И, соответственно, я соотношу эти записи с информацией из обвинительного заключения, я не просто задаю вопросы, потому что мне нравится задавать вопросы.

Подсудимый Лебедев П.Л.: дело в том, что я к этому ежедневнику не имею никакого отношения. Я его не составлял.

Государственный обвинитель Лахтин В.А.: Вы непосредственное отношение имеете к этому ежедневнику. Вы давали соответствующие распоряжения своим секретарям. О чем, в частности, секретарь Добродеева здесь сообщила. И она сведения, полученные от Вас, заносила в ежедневник. И принимала участие в организации этих встреч.

Подсудимый Лебедев П.Л.: Вы лжете суду опять, Лахтин. Она сообщила суду, что они занимались организацией моих встреч, которые мы вначале, изначальную фразу, а мне предлагалось проверить. Это раз. Дело в том, что не надо мне рассказывать и здесь в суде лгать, как работали мои секретари. Я их знаю лучше Вас. Мне все равно было, какие они ежедневники ведут – раз. На компьютере или в ручной форме. Меня интересовало всего лишь одно: те встречи, которые у меня просили, они должны были ими быть организованы. Как они это делали, как они это записывали, меня, вообще, не интересовало. А поскольку срок уже прошел, в общем-то, достаточный, и бессмысленно. Ваша честь, объясните, я пытаюсь объяснить прокурору, что любая встреча в январе-феврале 2000 года не имеет никакого отношения. Вашего заведомо ложного сфабрикованного дела, поскольку у Вас даже срок давности уже ушел. А мы сейчас просто тратим время на бестолковые вопросы, которые Вы задаете. Тем более, я Вам уже ответил: я не знаю, как секретари, правильно или неправильно записывали. Те ли графы, те ли даты, правильно ли написаны фамилии или нет.

Государственный обвинитель Лахтин В.А.: 16 марта 2000 года, на листе дела 47, указано: Леонович и Юров, 16 часов. Вопросы те же.

Подсудимый Лебедев П.Л.: ответы те же.

Государственный обвинитель Лахтин В.А.: на листе дела 52, с краю здесь – 31 марта 2000 года. Указано: Сублен, Маруев, Леонович. Жуковка не указана, я так предполагаю, что

встреча в Москве происходила или планировалась? Я правильно предполагаю? Могла эта встреча произойти в Москве? И где конкретно?

Подсудимый Лебедев П.Л.: ответ тот же, Ваша честь. Я уже об этом сказал. По ежедневнику ответы будут одни и те же. Мне их нужно каждый раз переподтверждать будет?

Государственный обвинитель Лахтин В.А.: вот здесь появилась новая фамилия – Мишель Сублен. Скажите, пожалуйста, а что Вас связывало, в частности, 31 марта 2000 года с финансовым директором ОАО «НК «ЮКОС» Мишелем Субленом?

Подсудимый Лебедев П.Л.: Мишель Сублен являлся финансовым директором нефтяной компании «ЮКОС».

Государственный обвинитель Лахтин В.А.: он инициировал встречи с Вами или Вы вызывали его?

Подсудимый Лебедев П.Л.: я не могу вызвать. В бизнесе не принято акционерам вызывать финансовых директоров нефтяной компании «ЮКОС» к себе. И эта фраза, она изначально порочна. Вопросы, связанные «вызывали», да? Я не президент Российской Федерации, и не царь, и не Бог для того, чтобы кого-то вызывать к себе. Схема работы по бизнесу, она немножко иного плана. Если у людей есть необходимость встретиться и обсудить между собой вопросы, они всего лишь об этом договариваются. А вызывать к себе я, в принципе, мог только секретарей. Со всеми остальными людьми я договаривался. Да и секретарями я, в общем-то, я тоже договаривался.

Государственный обвинитель Лахтин В.А.: но это в бизнесе. А в обвинительном заключении не о бизнесе говорится, Платон Леонидович. А о совершении преступления. Какие вопросы могли с Мишелем Субленом обсуждать?

Подсудимый Лебедев П.Л.: разные.

Государственный обвинитель Лахтин В.А.: не помните? Или не хотите сказать суду? 31 марта 2000 года.

Подсудимый Лебедев П.Л.: я не знаю и не помню, и не могу, какие вопросы я мог обсуждать с Мишелем Субленом.

Государственный обвинитель Лахтин В.А.: л.д. 55.

Подсудимый Лебедев П.Л.: была ли эта встреча? С чего Вы выдумали, что она была 31 марта? И с чего Вы выдумали, что она состоялась? С чего Вы выдумали, что я его вызвал?

Государственный обвинитель Лахтин В.А.: у меня есть документ соответствующий, приобщенный к материалам уголовного дела. Я на него ориентируюсь. К сожалению, единственный документ, на который я могу ориентироваться.

Подсудимый Лебедев П.Л.: Вы обратите внимание, там четыре раза фамилия Лахтина написана.

Государственный обвинитель Лахтин В.А.: я задаю вопросы, предлагаю Вам дать показания суду.

Подсудимый Лебедев П.Л.: я точно также уже ответил Вам, что я показания по ежедневнику не давал. Там четыре раза фамилия Лахтин упоминается. Откройте, пожалуйста, эти листы. Сейчас мы на эти вопросы с Вами поговорим. В ежедневнике секретарей. А я у них заодно узнаю, это они пошутили. Более того, Вам уже Ирина Владимировна пояснила, что там на некоторых листах много шуточек находится, которые вряд ли мне кто-либо из секретарей когда-либо решился показывать. Чертики нарисованы там и так далее.

Государственный обвинитель Лахтин В.А.: за 10 апреля 2000 года, на листе 55: Леонович, Юров, Рыськина – указаны. За 11 мая, на листе дела 61: Леонович – 12 часов 13 минут. 07 июля, на листе дела 78: Подползин, Лиманов, Захаров, Маруев. Значит, 08 августа 2000 года указан на листе дела 83 Леонович, Кокорин, Дрель – 14 часов; Маруев и Дрель. И на 89 листе дела указано за 14 августа, запись: Дрель, Маруев, Леонович и Сабиров. Какие комментарии будут по поводу этих записей?

Подсудимый Лебедев П.Л.: у Вас была возможность у секретаря выяснить все комментарии, которые они делали. Более того, я Вас об этом предупреждал. Ваша честь, ответы все те же самые.

Государственный обвинитель Лахтин В.А.: за 2002 год ежедневник. По которому показания давала Добродеева, здесь уже я могу ориентироваться на конкретные показания. Значит, 17 часов 08 августа, л.д. 140. Указано: Косцюшко по теме House Russian – проект торгового центра. Как здесь указано. Это о чем Вы с ним беседовали? С ним, как с независимым директором ОАО «НК «ЮКОС» Вы обсуждали какие-то коммерческие проекты. С человеком, который позиционировал себя независимым директором ОАО НК «ЮКОС».

Подсудимый Лебедев П.Л.: вот здесь – небольшие пояснения.

Государственный обвинитель Лахтин В.А.: это не торговый ли центр там, на Олимпийском проспекте?

Подсудимый Лебедев П.Л.: господин Моризе-Косцюшко – бывший заместитель министра внешней торговли Франции. Я объясню. Господин Косцюшко являлся независимым директором нефтяной компании «ЮКОС». И все вопросы, которые мною обсуждались с господином Косцюшко, они компании «ЮКОС» не касались вообще. А для особо одаренных, именно наименование – «House Russian», «Дом России» – поскольку это инвестиции в недвижимость, всего лишь объясняю, что для нефтяной компании «ЮКОС» – ни ее специализации, не ее объект. Это всего лишь вопросы, связанные с инвестициями в недвижимость, которые находятся в городе Москве. Этим проектом занимался не господин Косцюшко.

Государственный обвинитель Лахтин В.А.: запись за 22 февраля...

Подсудимый Лебедев П.Л.: Ваша честь, секундочку, у меня заявление. Прокурор Лахтин вообще не понимает, чем занимаются люди бизнеса. Все бизнесмены ищут инвестиции для реализации тех проектов, которые им по силам совершить. В этом суть бизнеса заключается. «Group Menater Limited» – это Международный инвестиционный холдинг, который свои ресурсы вкладывает не только в разные страны, но и в Российскую Федерацию, в том числе. Это одна из задач и уставных целей Международной инвестиционной холдинговой компании «Group Menater Limited». Мы инвестировали большие деньги в российские бизнесы, в том числе, в нефтяную компанию «ЮКОС», а также в иные бизнесы в Российской Федерации, которые с «ЮКОСом» не связаны. То есть же самое мы делали в Восточной и Западной Европе, в Соединенных Штатах, в Латинской Америке и так далее. Поэтому у меня до моего заведомо незаконного ареста, что признано, в том числе, европейским судом и Президиумом Верховного Суда Российской Федерации, все встречи, Ваша честь, за исключением реструктуризации обязательств банка «Менатеп», носили один и тот же характер. Если упростить, у меня просили деньги. Или обсуждались вопросы. Все у меня деньги, или с кем-то в доле – это неважно. Но вопросы все обсуждались именно этого плана.

Государственный обвинитель Лахтин В.А.: у меня вот вопрос по листу дела 114. Здесь вверху текста запись за 22 февраля 2002 года. Также указано – 11 часов, Косцюшко, Дрель и Прокофьев. И указано: ТРЗ. То есть «красный зал», как пояснила Добродеева. Вот где этот «красный зал» располагался? В Жуковке ли, в Москве где-либо, на Колпачном переулке? И адрес этого красного зала укажите, пожалуйста.

Подсудимый Лебедев П.Л.: адрес «красного зала»: Москва, Колпачный переулок, дом 5.

Государственный обвинитель Лахтин В.А.: зал, что из себя представлял?

Подсудимый Лебедев П.Л.: он был красный.

Государственный обвинитель Лахтин В.А.: по размерам помещения, какой был?

Подсудимый Лебедев П.Л.: дом №5 на Колпачном переулке, там осуществлялись переговоры и встречи. Как пояснил мой секретарь, там был «синий зал», «белый зал», «красный зал», «рыцарский зал», «японский зал» и так далее. Эти залы были разного формата, разной кубатуры, разной вместимости. Поэтому в зависимости от количества и заказа. Всем секретарям необходимо было, которые планировали заранее те или иные

залы, между собой состыковать, кто с какого по какое время занимает тот или иной зал. Поясню. Потому что если, например, количество человек было 20, это, как правило, был «белый зал». Если количество было поменьше, это были иные залы. Количество залов я сейчас не помню, но где-то их шесть-семь. Если не считать совсем маленьких комнат.

Государственный обвинитель Лахтин В.А.: а инициатива этой встречи в этом составе от кого происходила? От Вас, от Косцюшко, от кого? Вы помните или нет?

Подсудимый Лебедев П.Л.: от меня инициатива здесь не происходит. В основном, бегали за мной. Бегали за деньгами, а не наоборот.

Государственный обвинитель Лахтин В.А.: 12 марта 2002 года также указан Леонович, л.д. 149, запись за 13 часов 12 марта 2002 года. И на листе дела, значит, 157, дата – от 10 апреля 2000 года, 12 часов. Указан Дрель, Павлов, Брюбин, Донцова, Золотарев, Даг Миллер, Громадкая, «PricewaterhouseCoopers», Андрей Дмитриевич (от Шейко, как указано), Франк Ригер (от Мизамора), Алексанян и Гололобов. Вот эти две встречи. И с Леоновичем, предыдущий день, и особенно 10 апреля, они в связи с чем происходили? Особенно вторая встреча от 10 апреля 2002 года, достаточно большое количество людей участвовало. И где конкретно эти встречи происходили? Здесь указано: 10 апреля, «красный зал».

Подсудимый Лебедев П.Л.: я уже пояснил, где находился «красный зал», раза три.

Государственный обвинитель Лахтин В.А.: цель встречи какова была?

Подсудимый Лебедев П.Л.: что я должен комментировать?

Государственный обвинитель Лахтин В.А.: какова была цель встречи вот в данном составе граждан?

Подсудимый Лебедев П.Л.: Вы о трех встречах упомянули, начиная с Леоновича.

Государственный обвинитель Лахтин В.А.: по поводу Леоновича, что Вы можете объяснить? Какова была цель встречи с Леоновичем, где она происходила, как была завершена эта встреча, о чем Вы договорились?

Подсудимый Лебедев П.Л.: поскольку я не знаю, о чем Вы спрашиваете, но с господином Леоновичем я встречался достаточно регулярно. Еще раз, господин Леонович был членом совета директоров банка «Менатеп Санкт-Петербург», а я был председателем совета директоров. Поэтому мы с ним могли встречаться как каждый день или могли целый месяц не встречаться, в зависимости от ситуации складывающейся. Мы могли встречаться.

Государственный обвинитель Лахтин В.А.: по поводу второй даты – 10 апреля, с вышеуказанными гражданами: Дрелем...

Подсудимый Лебедев П.Л.: я не знаю, где здесь 10 апреля.

Государственный обвинитель Лахтин В.А.: 10 апреля, среда. Отчет от начала ежедневника 2002 года, комментарии по которому давала Добродеева. Я считать хорошо умею. Отчитал и определил дату – 10 апреля.

Подсудимый Лебедев П.Л.: может быть, это 10 мая?

Государственный обвинитель Лахтин В.А.: это 10 апреля.

Подсудимый Лебедев П.Л.: Вы предыдущую страничку посмотрите. Там последний месяц май указан. А вдруг это май?

Государственный обвинитель Лахтин В.А.: Платон Леонидович, отвечайте на вопрос. Да или нет?

Подсудимый Лебедев П.Л.: я не знаю про 10 апреля, с кем я встречался.

Государственный обвинитель Лахтин В.А.: а в таком составе когда-либо, где-либо в 2002 году происходили встречи?

Подсудимый Лебедев П.Л.: конечно.

Государственный обвинитель Лахтин В.А.: в таком составе какие вопросы вы обсуждали?

Подсудимый Лебедев П.Л.: в таком составе, я не уверен, но то, что одновременно у меня были представители «PricewaterhouseCoopers», нефтяной компании «ЮКОС» – были такие встречи, их было несколько в 2002 году.

Государственный обвинитель Лахтин В.А.: тематика этих встреч. Можете Вы объяснить тематику этих встреч?

Подсудимый Лебедев П.Л.: разная, в том числе, и подготовка к листингу.

Государственный обвинитель Лахтин В.А.: в том числе, и подготовка к листингу.

Подсудимый Лебедев П.Л.: иногда эти встречи были связаны с моим запросом, в том числе, это чтобы было понятно, «PricewaterhouseCoopers» по итогам завершеного аудита нефтяной компании «ЮКОС». Если предположить, что это речь идет об апреле 2002 года, а к этому моменту, как правило, завершаются все основные вопросы аудиторов по проверке финансовой отчетности нефтяной компании, я их мог, если так образно выразиться, допрашивать, как у них там обстоят дела по аудиту нефтяной компании «ЮКОС».

Государственный обвинитель Лахтин В.А.: эта встреча могла состояться в апреле 2002 года?

Подсудимый Лебедев П.Л.: эта, думаю, нет, потому что аудиторы завершали, как правило, аудит финансовой отчетности где-то в мае. Почему я еще раз спрашивал, может быть, это был май?

Государственный обвинитель Лахтин В.А.: на л.д. 164 указан некий гражданин Назаров. Дата – от 14 мая 2002 года. Время указано – 19.00. Там Кабановский и Назаров. У меня вопрос по поводу Назарова. Вы с гражданином Назаровым знакомы были?

Подсудимый Лебедев П.Л.: где-то приблизительно человек 20 с фамилией Назаров я знаю.

Государственный обвинитель Лахтин В.А.: а Назаров, который работал в «ЮКОС РМ», Вам знаком?

Подсудимый Лебедев П.Л.: Назаров, который работал в ЗАО «ЮКОС РМ», возможно, мне знаком, если я его узнаю, как его зовут. Я знаю, кто это, Назаров, работал в ЗАО «ЮКОС РМ».

Государственный обвинитель Лахтин В.А.: к сожалению, Добродеева здесь не написала инициалы, поэтому я Вас спрашиваю. А работал какой-либо Назаров в ЗАО «ЮКОС РМ»?

Подсудимый Лебедев П.Л.: возможно. Дело в том, что я не знаю сотрудников ЗАО «ЮКОС РМ» в 2002 году, поскольку я в ЗАО «ЮКОС РМ» тогда не работал.

Государственный обвинитель Лахтин В.А.: и 25 июля 2002...

Подсудимый Лебедев П.Л.: а вот то, что у господина Кабановского есть сотрудник, его сотрудник, Назаров, я точно знаю. Они занимались телекоммуникациями. И к ЗАО «ЮКОС РМ» не имели, вообще, никакого отношения. Если Вы посмотрите чуть повыше, там моя встреча с руководством. Которые как раз и обсуждали вопрос организации различных инвестиционных проектов для телекоммуникаций, как в Российской Федерации, так и в Восточной Европе. После них пришли, естественно, те, кто этим предметно занимался. Я не знаю, о каком Назарове он у меня хочет спросить, Ваша честь, я не собираюсь даже догадываться.

Государственный обвинитель Лахтин В.А.: из «ЮКОС РМ».

Подсудимый Лебедев П.Л.: я не знаю сотрудников «ЮКОС РМ» в 2002 году. Просто не знаю. Я там не работал.

Государственный обвинитель Лахтин В.А.: а вот 25 июля...

Подсудимый Лебедев П.Л.: но могу точно сказать, что с Кабановским сотрудник ЗАО «ЮКОС РМ» не мог прийти ни при каких условиях. Они, скажем так, на разных уровнях и разными бизнесами занимались.

Государственный обвинитель Лахтин В.А.: на л.д. 175 от 25 июля 2002 года имеется запись: «11 часов, Хантер Майкл, Прокофьев, КР., 3».

Подсудимый Лебедев П.Л.: с Майклом Хантером я как раз встречался. Это я помню. Было это в этот день или нет – не знаю. Но, естественно, Виктор Дмитриевич Прокофьев помогал мне переводить. Кстати, Майкл Хантер, напоминаю, это президент «Dart Management Corporation», которая, как Вы утверждаете, мне предъявила претензии в исках иностранных государств и в судах иностранных государств в 2001 году какие-либо иски.

Государственный обвинитель Лахтин В.А.: на данную дату, на 25 июля 2002 года, претензии «Dart» уже были удовлетворены?

Подсудимый Лебедев П.Л.: я объяснял уже про декабрь-ноябрь 1999 года. Не, он зашел все-таки, до его понимания, 2002 года и задает четвертый один и тот же вопрос.

Судом ставится вопрос о возможности отложения судебного заседания.

Подсудимый Ходорковский М.Б.: не возражаю.

Подсудимый Лебедев П.Л.: не возражаю.

Защитник Терехова Н.Ю.: не возражаю.

Защитник Краснов В.Н.: не возражаю.

Защитник Купрейченко С.В.: не возражаю.

Защитник Липцер Е.Л.: не возражаю.

Защитник Ривкин К.Е.: не возражаю.

Государственный обвинитель Шохин Д.Э.: не возражаю.

Государственный обвинитель Лахтин В.А.: не возражаю.

Государственный обвинитель Смирнов В.Н.: не возражаю.

Суд,

Постановил:

Отложить судебное заседание на 17 сентября 2010 года – 10 часов 00 минут.

Повторить вызов участников процесса.

Судебное заседание закрыто в 17 часов 00 минут.

Судья

Секретарь

В. Н. Данилкин

А.Ю. Астафьева